
Глава 1.

Родство. Помещики. Губернская интеллигенция

Дед мой Алексей Александрович Лопухин был женат на княжне Варваре Александровне Оболенской. Отсюда родственная связь наша с тремя домами Оболенских, братьев моей бабки — Дмитрия, Сергея и Михаила Александровичей. Был еще четвертый брат Юрий, но он умер холостым. Ни деда, ни бабушки, ни ее братьев, давно умерших, я не знал. Студентом был представлен моим отцом вдовам его дядей: Дмитрия Александровича — княгине Дарии Петровне, урожденной княжне Трубецкой, и Сергея Александровича — княгине Наталии Владимировне, урожденной Мезенцевой. Впоследствии познакомился с Оболенскими Михайловичами.

Княгиня Дария Петровна имела трех сыновей. Старший, Александр Дмитриевич, унаследовал большие средства от предусмотрительно выбранного крестного, богача Нечаева-Мальцева. И жену, Анну Александровну, взял себе из богатого дома — весьма надутого сноба Александра Александровича Половцова, бывшего в конце царствования Александра III государственным секретарем, потом членом Государственного совета, женатого на богачихе баронессе Штиглиц. Второй сын Дарьи Петровны Алексей Дмитриевич состояния не имел. Женился на княжне Салтыковой. Ее состояния хватило на обоих. Третий сын Николай Дмитриевич ни собственного состояния, ни состоятельной жены, ни вообще жены не имел. Но, не будучи богатым, все-таки своего рода капиталом обладал, и весьма по тем временам значительным, заключавшимся в личной дружбе царя Николая II, несколько охладившейся лишь в последние годы жизни рано умершего Николая Дмитриевича. Женскую половину семьи составляли сестры: Варвара Дмитриевна Бибикова, Елизавета Дмитриевна Новосильцева, княгиня Мария Дмитриевна Гагарина. Мужья первых двух только и были, что мужьями своих жен, доставивших каждому по губернаторству. Муж третьей сестры был в достаточной степени индивидуален. Назначенный, хотя и благодаря связям жены, первым ректором Петербургского политехнического института, вскоре приобрел на этом посту значительную популярность.

Милыми людьми были княгиня Дария Петровна, всеобщий любимец ее сын Николай Дмитриевич и его сестра Мария Дмитриевна Гагарина. Последняя

в ее молодые годы была *очень* хорошенькая и интересная. И Николай Дмитриевич был наружности привлекательной, с приятным открытым лицом, напоминавшим его милую сестру. Остальные были *далеко* не столь милы. Александр Дмитриевич был некрасив, несодержателен, сух и скуп, Алексей Дмитриевич внешностью и повадкой олицетворял разбитного *мелкого* купчика *или купеческого молодца самой что ни на есть* провинциальной складки — немного нагло, очень самоуверенного. Варвара Дмитриевна также страдала самоуверенностью в форме, осложненной самовлюбленностью. Была ^aнеглупа, а в молодости и собою недурна^a. Елизавета Дмитриевна была по внешности *куда* интереснее сестры^b, но чересчур деревянная и чопорная^b.

Княгиня Дарья Петровна не только поддерживала и укрепляла, пока была жива, сплоченность собственной семьи, но и являлась объединяющим центром для многочисленных родственников. Ее традиционные воскресные завтраки посещались и наиболее дикими центробежными элементами, к каковым принадлежал я. В этом объединяющем почине заключалась большая заслуга этой почтенной женщины, тем более значительная, что ее приемы, на которых она успевала уделять свое *милое* внимание всем и каждому, не могли, по ее преклонному возрасту, ее не утомлять. Но двери ^cД. П.^c, независимо от воскресных фиксов, были постоянно открыты в любое время не только для родни, но и для всех друзей и просто знакомых. Можно было встретить у нее и влиятельного министра, и какого-нибудь совершенно скромного деревенского соседа, причем как к первому, так и ко второму она проявляла одинаково ласковое отношение без малейших разнствующих оттенков. И министры держали себя у нее просто и скромно. Припоминается и пересол простоты, проявленный однажды у меня на глазах К. П. Победоносцевым, которого я застал у Дарии Петровны лежавшим в растяжку на ковре в ее гостиной и игравшим с ее маленьким внуком, одним из сыновей Марии Дмитриевны Гагариной.

Связи семьи выдвинули Александра Дмитриевича на должность обер-прокурора Первого департамента Сената. Потом он был назначен сенатором и вскоре членом Государственного совета.

Алексей Дмитриевич долгое время на службе хирел. Помнится, как он настойчиво добивался у А. С. Ермолова в его министерстве должности инспектора по сельскому хозяйству — совершенно скромной, инструкторско-ревизионного характера, по разъездам. Ермолов затруднялся назначить Алексея Дмитриевича на эту должность, за отсутствием у него предварительного ведомственного стажа. Помог устроиться Алексею Дмитриевичу брат его Николай Дмитриевич. Большой друг Матильды Ивановны Витте, еще до женитьбы на ней Сергея Юльевича, он по этой дружбе, а особенно в силу его отношений к царю, был исключительно предупредительно и внимательно принимаем в доме министра финансов, старавшегося быть с Николаем Дмитриевичем на короткой ноге. Сергей Юльевич Вит-

^{a-a} Вписано вместо: «когда-то молода, следовательно свежа. Мнила себя внешне обаятельно. Родилась не глупую, считала себя умною, и не просто умною, а очень умною, тонко и остро».

^{b-b} Вписано вместо: «и в то же время более скромного о себе мнения. Будь она менее деревянная и чопорная, она была бы совсем милая».

^{c-c} Вписано вместо: «доброй старушки».

те, никогда и ни с чем не считавшийся, когда чего-либо хотел, не постеснился, не считаясь ни с какими стажами, представить Алексея Дмитриевича к назначению на весьма в свое время приятную и достаточно высокую должность управляющего Государственным дворянским земельным и Крестьянским поземельным банками на жалование *от 15 до 20 тысяч рублей*, с прекрасною казенною квартирою в доме банков на Адмиралтейской набережной. Таково было влияние Николая Дмитриевича. Алексей Дмитриевич вышел в люди. *Купеческий молодчик по типу, он недалеко ушел от этого типа по внутреннему своему содержанию.* Не глупый, с природною сметкою, но без всяких солидных знаний, ни на какую самостоятельную большую работу он, однако, способен не был. Администрировал по докладам владевших техникою дела своих сотрудников. И заведенная машина двигалась. Пробравшись в люди, Алексей Дмитриевич пошел и далее, вглубь карьеры. Попал в товарищи министра внутренних дел и даже получил портфель обер-прокурора Синода в кабинете Сергея Юльевича Витте. Давалось понять, что он весьма сведущ в церковных вопросах. На деле этого совершенно не было. Пробрался потом в Государственный совет. *Был в свое время пожалован в шталмейстеры. По-детски обрадовавшись мундиру, одевал на первых порах придворную форму кстати и некстати. Однажды я его встретил в ней на Николаевском вокзале, отъезжавшим с семьею на лето в деревню. Очевидно, хотел произвести соответствующее впечатление в уезде и на селе.*

Флигель-адъютант князь Николай Дмитриевич, выйдя из Конного полка в чине полковника, был назначен, с производством в свитские генерал-майоры, сначала начальником контроля Министерства двора, а потом начальником «Кабинета его величества». Незадолго до своей кончины получил назначение состоять при вдовствовавшей императрице Марии Федоровне. *Близости Николая Дмитриевича к супругам Витте обязан был не только его брат Алексей Дмитриевич своею карьерою, но и муж сестры, князь Гагарин, своим назначением ректором Политехнического института.*

Вдова князя Сергея Александровича Оболенского княгиня Наталия Владимировна была душевно больная. Пунктом ее помешательства было ее убеждение в том, что она стеклянная. Может разбиться и рассыпаться. Вне этого пункта проявляла себя вообще нормальной. Принимала, выезжала. Придерживалась тех же семейно-объединяющих начал, что и княгиня Дарья Петровна. Была столь же приветлива и благожелательна. Вероятно, это была особенность ее поколения, не унаследованная поколением, непосредственно следовавшим. Но, по болезни, приемы ее были не столь частые, и посещаемость их была меньшею, чем у Дарьи Петровны. Старший ее сын князь Владимир Сергеевич с головою ушел в службу при дворе, где был гофмаршалом при царе Александре III. И двор же поженил его на приближенной к императрице Марии Федоровне неинтересной и некрасивой камер-фрейлине графине Александре Александровне Апраксиной. Сам же был и красивый, и видный, и с хорошим положением. Но весь во дворе и ничего вне двора. Так и умер, неожиданно и рано, на своем посту, замещенный мужем своей сестры Веры Сергеевны, графом Александром Васильевичем Голенищевым-Кутузовым. Брат Владимира Сергеевича, князь Валерьян Сергеевич, был старшим советником Министерства иностранных дел на правах товарища министра при графе Муравьеве, а потом товарищем министра при преемнике последнего графе Ламздорфе. Честный, но ограниченный,

сухой и скупой при совершенно достаточной материальной обеспеченности, чиновник-педант и формалист крайне узкого кругозора. Третий брат, князь Платон Сергеевич, отличался только красотой и несчастливим браком на столь же, как и он, красивой супруге, урожденной Нарышкиной, которая от него ушла к флигель-адъютанту из офицеров Преображенского полка Рейтерну, лицу, по общему мнению, всего менее заслуживавшему предпочтения перед Платоном Сергеевичем. Карьеры Платон Сергеевич не делал и не сделал. Был в свое время, как и его брат Владимир Сергеевич, кавалергардом. Состоял при дворе вел. кн. Владимира Александровича.

Семья Михаила Александровича Оболенского состояла в пору моей встречи с ней из его вдовы, урожденной кн. Стурдза, сына Ивана Михайловича и двух дочерей, Елены Михайловны Чертковой и Агриппины Михайловны Панютиной. Румынская кровь Стурдза ярко сказалась на внешности князя Ивана Михайловича и отчасти Елены Михайловны. Агриппина Михайловна — Грушенька Панютина — нисколько на них не похожая, скорее олицетворяла северный тип. Была красива и интересна. Иван Михайлович, некогда мичман флота, долгие годы был не у дел. Соскучившись и созрев, решил вступить в карьеру. Был назначен губернатором в одну из южных губерний. В пору вспыхивавших то здесь, то там аграрных беспорядков кого-то где-то усмирят¹. За усмирение на него было произведено покушение. В него стреляли. Что-то плохо помнится, не то пуля мимо прошла, не то только слегка его оцарапала. Но он все-таки попал в герои и из героев был перемещен на должность финляндского генерал-губернатора. Захотелось ему непременно генеральских эполет. И так как в юности был мичманом, то его произвели в генералы по адмиралтейству. В настоящие адмиралы бывший мичман не прошел. Не доплавал. *Память как об умном человеке по себе не оставил и, как говорят, данных на то не имел.* Елена Михайловна была образцовая семьянинка — прекрасная мать и жена, *милая*, добрая, приветливая, простая, лишенная всякого аристократического снобизма. Пользовалась общими симпатиями и уважением. И муж ее, Федор Михайлович Чертков, помещик и местный деятель Воронежской губернии, был хороший человек. Прожили большую часть жизни в провинции. В Петербург перебрались довоспитывать детей. Федор Михайлович получил в столице скромное место члена Дворянского банка. Грушенька была героинею трагического романа. Ее полюбил, долго за нею ухаживал и сделал ей предложение царскосельский гусар Панютин. Она с ним кокетничала, поддерживала его увлечение, а когда дело дошло до предложения, почему-то ему отказала. Вскоре отправилась на Кавказ. Там познакомилась и, по свойственному ей обычаю, стала кокетничать с нижегородским драгуном Лазаревым. И этот сделал ей предложение. Она согласилась. Объявлены были женихом и невестою. Снимались вместе в качестве женихов и раздавали снятую с них фотографическую карточку. Затем Грушенька передумывает. Пишет о своем согласии Панютину. Бежит с Кавказа и венчается с ним. Лазарев приезжает в Петербург, вызывает Панютина на дуэль и с первого выстрела его убивает... Виновница кровавой трагедии Грушенька действовала совершенно бессознательно, не отдавая себе отчета в возможных последствиях проявленных крайнего легкомыслия и необдуманности.

Через Оболенских мы были в родстве и с семьею Озеровых, состоявшей из приближенной к императрице Марии Федоровне ее любимицы камер-фрейлины

Екатерины Сергеевны и братьев, генералов Андрея Сергеевича, женатого на моей тетке Ольге Алексеевне Лопухиной, управлявшего двором великого князя Михаила Николаевича, и Сергея Сергеевича, бывшего командиром Преображенского полка. Андрей Сергеевич был душевный и милый человек, его же брат и сестра — неприветливые сухие люди. До мафусаиловых лет дожидала их мать Наталия Андреевна. В качестве старейшего члена многочисленной семьи она являлась предметом особенного родственного почитания. Считалось обязательным являться к ней время от времени на поклон. Старуха была приветливая и добрая. Но постепенно, перевалив за 90 лет, выжила из ума. Паломничество к ней было делом в достаточной степени скучным. Последние года она настолько иссохла, что превратилась в совершенные мощи. И все думалось: этот визит будет последним. Но она пережила все предвидения этого рода. Стала по несколько раз в год болеть воспалением легких столь же часто и просто, как другие люди отбывают обыкновенный насморк. При первых ее воспалениях казалось, что должна неминуемо наступить развязка. Но после каждой болезни она только ощущала прилив новой бодрости. Окончательно всех сбила с толку. Умерла, когда окружающие всего менее этого ожидали.

Деда своего Алексея Александровича и бабушку Варвару Александровну я не знал. Оба скончались в пору моего младенчества. По рассказам представляю себе деда по его времени передовым и культурным человеком. Дом его в Москве на Молчановке привлекал наиболее выдающихся людей его эпохи. Частыми посетителями и друзьями были Гоголь, Самарин, Хомяков. Тесная дружба связывала деда с поэтом Лермонтовым, увлекавшимся родною сестрою деда. Вхожи были в дедовский дом и менее крупные величины. Часто бывал писатель Маркевич, списавший действующих лиц своего известного романа «Четверть века назад» с большинства друзей и знакомых моего деда². Политические тенденции дедовского кружка были прогрессивные, но лояльные. Идеология — славянофильство. Настроение — мистическое. Склонность к романтике и фатализму. Как человек культурный и передовой, дед установил в своих имениях режим исключительно мягкий и гуманный. Принципиально являлся сторонником открепощения крестьян. Событий, однако, не предвосхищал. Но когда они наступили, и воля была объявлена, то все-таки растерялся, предоставив проделать все требовавшиеся формальности своему зятю князю Трубецкому, которого и снабдил полную доверенностью³. Сам же лег в своем кабинете на диван, запретил кого бы то ни было к себе пускать и, отвернувшись к стене, в молчании пролежал два месяца. Пытавшийся несколько раз проникнуть к нему, чтобы переговорить о делах, князь Трубецкой был всякий раз неизменно изгоняем. Все-таки и по эмансипации состояние осталось у деда большое — имения в Московской, Рязанской и Смоленской губерниях. Тем не менее растерянность, неприспособленность, неумение жить были таковы, что бывали дни, когда в доме не оказывалось ни копейки и приходилось занимать рубля по 3, по 5, на день, на два. Сокращение расходов понималось так, что все лошади, экипажи и весь выезд были безвозмездно переданы в собственность извозопромышленнику с обязательством в течение ^агода^а подавать, в случае надобности, экипаж за ту самую месячную плату, за которую можно было бы подрядить извозчика и без уступки *ему* целого легкового обо-

^{а-а} Вписано вместо: «двух лет».

за. Сын богатых родителей, мой отец спал все четыре года своего студенчества в родительском доме на диване с вылезшими и покривившимися пружинами, впивавшимися ему в спину и бока.

Сыновей у деда было трое: старший Александр, второй — мой отец Борис и младший Сергей, дочерей — пять: София — княгиня Трубецкая, Мария и Лидия, оставшиеся девицами, Эмилия, вышедшая замуж за графа Капниста, и Ольга — супруга А. С. Озерова.

Дядя Александр Алексеевич, красавец и богатырь с густою гривой волос, седых с двадцатипятилетнего возраста, что при молодом лице придавало его наружности особую оригинальность, пользовался исключительным успехом у женщин, которых, с<о> своей стороны, был большим и тонким ценителем. И сердце его было по отношению к дамам весьма любвеобильное. При таких его особенностях и данных он совершенно неосмотрительно дал себя «по рассудку» поженить на Елизавете Дмитриевне Голохвастовой, особе по внешним качествам абсолютно неинтересной. Но она была неглупа и впоследствии показала себя хорошей матерью. Она прижила с Александром Алексеевичем пятерых сыновей. Муж был ей верен минимально короткий срок, прибегая по его прошествии к содействию жены для продолжения рода только, так сказать, мимоходом, между делом того же порядка, но в сочетаниях более для него заманчивых и приятных. Елизавета Дмитриевна относилась к этому крайне нетерпимо. Так как она была женщина с характером, настойчивая и упорная, то предпринятая ею борьба с мужем против его романтических выступлений *в роли сеятеля на не принадлежащей ему земле* делала семейную жизнь Александра Алексеевича лишенной всякой привлекательности. Он счел чашу переполненную, когда однажды ночью, выйдя из клуба и садясь в свою карету, нашел в ней подстерегавшую его ревнивую супругу. Надо полагать, что Александр Алексеевич не располагал вернуться в эту ночь из клуба прямо домой. Как бы то ни было, но наутро он вышел из дому окончательно и более не возвращался, вверив Елизавете Дмитриевне воспитание своих сыновей. С этой задачей она справилась. Сыновей выходила и воспитала. Александр Алексеевич предался радостям жизни, как он понимал их, и карьере, которая развернулась перед ним достаточно широко. Образование получил не ахти какое, окончив всего только Школу гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров, переименованную впоследствии в Николаевское кавалерийское училище. Но был человек способный и обладал недюжинным природным умом. Попав в мировые судьи первого их призыва, пленил толковым и бойким разбирательством дел посетившего его камеру министра юстиции графа Палена. Последний выдвинул его по прокуратуре. Был прокурором Петербургского окружного суда, а затем Петербургской судебной палаты. Пути его карьеры ширились. Случился, однако, процесс Веры Засулич, стрелявшей в градоначальника Трепова. Оправдание ее судом присяжных под председательством А. Ф. Кони повредило не только последнему, впавшему в открытую немилость, но и Александру Алексеевичу, которому пришлось несколько отступить, получив назначение в Царство Польское, на должность председателя судебной палаты в Варшаве⁴. Вскоре у него разыгрался роман с Ольгой Федоровной Добровольской. Она ли так дело повела, он ли увлекся не в меру, но задумал во что бы то ни стало

^a Так в рукописи. Правильно: пять.

на ней жениться. Между тем продолжал быть формально женатым на Елизавете Дмитриевне Голохвастовой. Последняя на все его просьбы о согласии на расторжение брака отвечала отказом. Отправился с Ольгой Федоровной в Болгарию и там с нею обвенчался. Оказался в строго каравшемся двоеженстве, особенно соблазнительном и нетерпимом в лице старшего представителя, на окраине, судебной власти, нарочито призванной охранять закон. Нашлись друзья, которые не преминули доложить об этом случае Александру III. На очередном докладе министра юстиции царь приказал Александра Алексеевича «убрать». Дело могло бы для него кончиться куда хуже. Уволенный со службы Александр Алексеевич остался в Варшаве, где занялся адвокатурою. Его прошлое обеспечивало его многочисленную клиентурую. Тем не менее, служебное крушение было для него тяжело. И еще страдал он от непризнания его второго брака^а семьею и обществом.

О старшем сыне Александра Алексеевича Алексее Александровиче, бывшем директором Департамента полиции, рассказано выше — на стр. 125 записок.

Насколько отрицательно рисуется его личность, настолько хорошим человеком, *редких качеств души и сердца* был брат его Дмитрий Александрович Лопухин. *Кристаллически* честный, прямой, простой *во всех своих проявлениях*, скромный *без слонтяйства и уничижения паче гордости*, в то же время в себе уверенный без самомнения, *отзывчивый, чуткий, добрый*, где надо — стойкий и мужественный *до бесстрашия*, он всю свою жизнь до героического ее конца в империалистическую войну являл незабываемый образ едва ли не последнего рыцаря без страха и упрека. Надо к этому прибавить, что он был образованный человек, хорошо окончив Московский университет, а в офицерских чинах пройдя Академию Генерального штаба. Он был военный по призванию. Предназначал себя к военной службе еще с гимназической скамьи. По окончании университета поступил вольноопределяющимся в Нижегородский драгунский полк на Кавказе. Вскоре после производства в офицеры женился там на *султанише* — княжне Елизавете Михайловне *Тохтамыш-Гирей*. Отец ее был магометанином, а мать, по происхождению итальянка, — католичкою. Жена Дмитрия Лопухина была также католичкою. Это обстоятельство долгое время препятствовало Дмитрию Лопухину поступить в Академию Генерального штаба. В видах недопущения в Генеральный штаб офицеров-поляков, вообще лиц польской ориентации или хотя бы только сочувствующих в той или иной мере полякам, устав академии преграждал доступ в нее католикам, а также лицам, женатым на католичках⁵. Случай жены-католички — дочери султана-мусульманина устав академии не предусмотрел. И только долгие и настойчивые хлопоты влиятельного родства раскрыли в конце концов перед Дмитрием Лопухиным, в виде совершенного исключения, двери академии. Я был всегда близок к Дмитрию Лопухину и по родству, и по взаимным пониманию и симпатии. И брак его не ослабил, как это иногда бывает, его приятных отношений к родственникам, так как и жена его была такая же хорошая, как он сам. Особенно сблизился я с ним во время его пребывания в академии. Юрист по образованию, он с трудом разбирался в математических предметах академического курса и обратился к моей помощи. Я как раз был в то время студентом-математиком старших курсов. И помогал ему

^а В рукописи ошибочно: «брата».

в овладении основами математических дисциплин. Во все тяжелые значительные минуты моей жизни как-то случалось, что он неожиданно появлялся передо мною (хотя по окончании им академии мы жили в разных городах) и несказанно поддерживал меня своею светлою бодрящею философиею. Именно светлую бодрость нес в себе этот *исключительно* милый, прямой и сердечный человек на всем протяжении своей жизни. В империалистическую войну⁶ в чине уже генерала он командовал гвардейским Конно-гренадерским полком. В полку состоял младшим офицером его единственный, *нежно любимый* им сын Георгий, *милый, красивый юноша*. За несколько дней перед развившимися вскоре большими боями в Польше, в пору сравнительного затишья перед грозой, в отсутствие отца, шальная пуля на месте уложила Георгия. Вернувшись к вечеру к полку из поездки в штаб, ничего еще не зная, Дмитрий принимал обычный рапорт. Ранено, убито... столько-то нижних чинов. Один офицер. Убит. Кто? Корнет Лопухин... Очевидцы передавали, Дмитрий не дрогнул. А ему был нанесен такой удар, который он не мог пережить. И в то время, как в большинстве случаев другие генералы шадил в своем лице высший командный состав, Дмитрий Лопухин ринулся в бой во главе своего полка. Он искал смерти. И он ее нашел через три-четыре дня после гибели сына в бою перед Ивангородом. Смертельно раненный, скончался через несколько часов в сильных страданиях.

Следуют братья Борис, Виктор, Юрий. Борис и Юрий были люди совершенно заурядные, среднего типа вымиравшего дворянства. ^аПогибли^а в 1918 г. в г. Орле, под которым находилось их маленькое имение, случайными жертвами революционной бури. Виктор Лопухин заслуживает несколько более подробной характеристики. В нем были ярко выражены отрицательные черты провинциального бюрократа-арривиста^{ба}. Не глупый, но аморального ума, стяжательный и наглый, с юности стремившийся побольше урвать от жизни ценою наименьших усилий, еле дотянул гимназию. Поступил в б<ывшее> Николаевское кавалерийское училище, откуда был выпущен корнетом в армейский драгунский полк. Придирчиво, в оскорбительной форме подтягивал вольноопределяющихся. Проявлял несноснейший офицерский снобизм. Наружности был в молодости довольно счастливой. И имел относительный успех у женщин. Потолкавшись в полку и видя, что военной карьеры ему не сделать, так как ее могла бы дать ему, как армейцу, только недоступная ему по малому образованию академия или недоступная же по недостатку личных средств служба в гвардейском полку, Виктор Лопухин перешел на гражданскую службу, начав с должности чиновника особых поручений минского губернатора, в ту пору нашего общего дядюшки князя Николая Николаевича Трубецкого, кстати, обещавшего в свое время эту должность мне. Потом Виктор перешел чиновником же особых поручений к киевскому генерал-губернатору М. И. Драгомирову. В Киеве завел роман с замужнею еврейкою, развел ее с мужем и женился не столько на ней, сколько на ее состоянии, хотя и не чересчур большом, но для начала достаточном⁷. Побывал мировым посредником и уездным (по назначению) предводителем дворянства в Ковенской губернии. Тут с ним приключились кое-какие неприятности. *Кто-то за что-то его ударил*. Но у него уже был открытый дом и связи. Проник к виленскому генерал-губернатору князю Святополку-Мирскому (назначенному

^{а-а} Вписано вместо: «были расстреляны».

после убийства Плеве министром внутренних дел). Виктору посчастливилось оказать Святополку кое-какие услуги. Святополк не оказался неблагодарным. Виктор получил место вице-губернатора в Екатеринославе и вскоре был назначен губернатором, сначала в Пермь, потом в Новгород, Тулу, после в Вологду. Завершил свою карьеру членом совета министра внутренних дел. Весьма непопулярным был губернатором, особенно в Туле. Неприятные доходили слухи о нем. Приходилось от него открещиваться, ссылаясь на отсутствие отношений, прекратившихся за полным расхождением в обычаях и взглядах еще со времени моего студенчества и его юнкерства.

Младший мой дядя Сергей Алексеевич Лопухин был значительно моложе моего отца. Поэтому я его помню еще молодым человеком, когда по окончании Московского университета он отбывал повинность в 70-х годах прошлого столетия в Сумском гусарском полку. С полком участвовал в турецкой кампании 1877–78 г. Вернулся с солдатским Георгием. Женился в Москве на графине Барановой. Поступил на службу по судебному ведомству и по прошествии некоторого времени был назначен товарищем прокурора окружного суда в Тулу. Это его особенно устраивало потому, что в Тульской губернии, неподалеку от Тулы, находилось имение его жены, полученное в приданое. Весьма не глупый, остроусловец и весельчак, он был человеком совершенно инертным, слабохарактерным и необычайно ленивым. Легкая служба по близости к имению представлялась ему панацеею, которую, по инертности и лени, он ни за что и ни на что променять не хотел. Всю жизнь старался играть какую-нибудь отменно веселую роль острого сатирика. Актерство, поза, обязательная потуга на остроумие в придачу к каждому жесту и слову были характерною особенностью москвичей дворянско-служилого круга. Напряженность, в большинстве случаев и у большинства москвичей, мало удачного остроумия на свежего человека действовала удручающе, вызывая чувство неловкости, а подчас тошноты. Сергей Алексеевич был остроумнее других. Но, к сожалению, злоупотреблял остроумием, не жалея, что называется, для красного словца ни матери, ни отца. Добрый по существу, он позволял себе острословие и по случаям трагическим в жизни ближнего, не отдавая себе, по-видимому, отчета в неуместной до дурного тона жестокости отпускавшихся шуток. Позу избрал благодушного лентяя, поставившего себе целью умножение рода. Жена не выходила из беременности. И по этому поводу остроумие Сергея Алексеевича не иссякало. Не считая не выживших детей, было рождено поставленных на ноги десять человек — пять сыновей и столько же дочерей. Занятый деторождением и сладостным отдыхом, между делом, в имении, Сергей Алексеевич упорно отказывался от всякого служебного перевода и без малого двадцать лет просидел товарищем прокурора в Туле. Позируя в добродушного ленивца, валялся по диванам и кушеткам и ради вящего остроумия, лежа на диване, стрелял из ружья в потолок. В конце концов избранная им благодушная роль и его утомила. Он принял назначение прокурора окружного суда в Орел. Оттуда через несколько лет был переведен прокурором судебной палаты в Киев. В позу его входил либерализм, выражавшийся в острословии по поводу действий правительства. Поэтому когда Витте в 1905 году впервые формировал объединенный кабинет министров из либеральных деятелей, то ему был назван, в числе прочих, в качестве эвентуального кандидата на пост министра юстиции (князем Алексеем Дмитриевичем Оболенским) Сергей Алексеевич, *тот самый*

либерал, который развлекался стрельбой с дивана в потолок. Витте его вызвал⁸. Достаточно было, однако, ему повидать Сергея Алексеевича и поговорить с ним, чтобы министерская кандидатура последнего отпала. В компенсацию был назначен обер-прокурором одного из департаментов Сената, а потом сенатором.

Старшая сестра моего отца Софья Алексеевна была замужем за князем Николаем Петровичем Трубецким, сыном увековеченного Лесковым орловского губернатора-самодура П. И. Трубецкого, известного эпическими битвами с епархиальным архиереем Смарагдом⁹. Николай Петрович был прекрасный человек и хороший семьянин. Долгое время был калужским вице-губернатором, потом почетным опекуном Ведомства учреждений императрицы Марии по московскому присутствию. Чрезвычайно благожелательный, всю жизнь неустанно за кого-нибудь хлопотал. И зачастую хлопоты его, по их настойчивости, увенчивались успехом. Отличался феноменальной рассеянностью. Перепутывал и не узнавал близких друзей и знакомых, даже собственных детей. Садился в чужие экипажи. Одевал чужие шубы. Делая визиты, развозил чужие визитные карточки. На тетушке Софии Алексеевне был женат вторым браком, овдовев после первого брака с Орловой-Денисовой. От нее у него был сын Петр Николаевич, весьма в свое время видный московский губернский предводитель дворянства, застреленный своим племянником Кристи из ревности к жене, за которой Петр Николаевич неумеренно ухаживал. Были и две дочери — Кристи и Глебова. С тетушкой Софией Алексеевной Николай Петрович прижил трех сыновей и шесть дочерей. Старший сын Сергей, доктор философии, впоследствии ректор Московского университета, возглавлял в 1905 году депутацию к царю с ходатайством о даровании реформ управления¹⁰. Второй сын Евгений — тоже философ, но *значительно* меньшего калибра, профессор Демидовского юридического лица в Ярославле, потом Киевского и Московского университетов, был членом Государственного совета по выборам от академической курии. Младший сын Григорий служил по Министерству иностранных дел и был отправлен перед самым началом империалистической войны посланником в Сербию. Ярким человеком был, собственно, один Сергей Трубецкой. Но он страдал крайнею книжностью и отвлеченностью. Живой жизни не знал. *Совершенно не ведал жизненной борьбы*. Был серьезным, умным ученым, честным по воззрениям и чистой жизни, но безнадежным теоретиком. Евгений был добродушный малый, ученый не столько по существу и по призванию, сколько по официальному цензу и из подражания брату, добившийся профессуры *лишь* трафаретным выполнением определенной официальной программы. Составил определенное число компилятивных трудов, пользуясь для этого всеми удобствами и всею неограниченною свободою во времени, которые ему предоставила обеспеченная жизнь с богатою женою, и защитил свои диссертации. Григорий был не глупый, способный, но крайне переоценивавший себя человек, большого самомнения. Также богато женатый, он в свое время бросил службу по дипломатическому ведомству, искусившись без особого блеска только на младших *совершенно субалтерных* должностях на Ближнем Востоке. По московским связям и отношениям встретился с С. Д. Сазоновым, когда последний был назначен в 1910 г. министром иностранных дел. Всегда и во всем мало основательный и весьма легкомысленный Сазонов решил, что нашел в лице Григория Трубецкого как раз нужного для ведомства человека выдающихся способностей и знаний. Вероятно, в этом убедил его сам Григорий

Трубецкой, *самоуверенно и развязно* развил перед ним какие-либо свои доморощенные политические теории и системы. Сазонов, в свою очередь, убедил Григория Трубецкого придти на помощь ведомству, предложив ему с места, невзирая на его слабый ведомственный стаж, ответственный пост начальника политического отдела Ближнего Востока. Григорий принял назначение. И, *как водится*, тотчас был проведен Сазоновым в камергеры. При ближайшем сотрудничестве совершенно, в сущности, не подготовленного Григория Трубецкого Сазонов вел плачевнейшую политику на Балканах. После вторжения в империалистическую войну австрийских войск в Сербию Григорию Трубецкому, отправленному туда посланником, пришлось поспешно эвакуироваться. Был отозван в Петербург, где оставался без дела. Когда ожидалось несостоявшееся падение Константинополя и намечалась организация международного его управления союзниками, Сазонов, верный своему увлечению Григорием Трубецким, имел в виду провести его назначение русским комиссаром этого международного управления¹¹. Как-никак все трое братьев Трубецких были незаурядными личностями в среде современников своего круга. И этим они были в значительной мере обязаны своей матери Софии Алексеевне, отдавшей их воспитанию все свои силы. Достаточно сказать, что не только она сама лично подготовила сыновей в гимназию, но и на протяжении гимназического курса репетировала их, одновременно с двумя старшими проходя гимназическую программу, включительно до бывших ей ранее совершенно неизвестными древних языков латинского и греческого. Поэтому влияние ее на сыновей было громадное. Выразилось оно и в том, что ни один из них не женился по собственному почину и выбору. Всех поженила мать на *тщательно* ею подобранных невестах. Невесты все были родовитые и богатые. И что представляется совсем неожиданным, все три брака оказались удачными. Сергей женился на княжне Оболенской, Евгений — на княжне Щербатовой, Григорий — на графине Хрептович-Бутеневой. Все три брата были не чужды московских поз и московского острословия. У Сергея, как у самого умного, оно выражалось в наиболее приемлемой форме. Григорий, с годами драпируясь в позу просвещенного, основательно переросшего современников общественника-либерала, становился все менее приемлемым. Самоуверенность его сделалась совершенно несносной.

Другую сестрою моего отца была, как упомянуто, графиня Эмилия Алексеевна Капнист. ^аОна была женщиною не глупою^а. Поэтому, будучи к тому же москвичкою, считала себя обязанною быть отменно остроумною. Позировала оппозицию правительству. *И какой тонкой, язвительной, беспощадной сатире подвергала она бедное правительство!* Делала салон и делала общественное мнение в либеральном духе. Это не мешало мужу ее графу Павлу Алексеевичу быть педантично строгим попечителем Московского учебного округа, решительно боровшимся со студенческою «крамолою». Отсюда непопулярность. Когда в конце девяностых годов прошлого столетия студенческие страсти разгорелись, Павел Алексеевич был отозван в Петербург с назначением сенатором. Но заменил

^{а-а} Вписано вместо: «Странное имя для коренной русской женщины. Но такой уже привиделся бабушке сон, когда она была беременна Эмилиею Алексеевною. Было ей во сне повелено наречь имевшую родиться, непременно дочку, именно Эмилиею. Тетушка Эмилия Алексеевна была умною женщиною».

его уже совершенный зубр, ректор Московского университета Боголепов.^а Очень родственные люди были Капнисты^а. Молодые Трубецкие, Сергей и Евгений, поступив в Московский университет в то время как родители их оставались в Калуге, были взяты к себе Капнистами, у которых и провели все свои студенческие годы. Одновременно Капнисты приютили тогда же поступивших в университет Алексея и Дмитрия Лопухиных, *мать которых, довоспитывая младших сыновей, оставалась в Орле*. Впоследствии к Капнистам перешли, сделавшись студентами, и братья их Борис и Юрий. И молодые княжны Трубецкие, приезжая из Калуги повеселиться в Москву, месяцами живали у тетушки Эмилии Алексеевны. Было у нее оживленно,людно и весело. Собственных детей у Капнистов было двое — сыновья Алексей и Дмитрий. Старший Алексей был хороший человек. Начитанный, образованный, *очень неглупый*, простой и скромный, чуждый *всякой* московской позы и фанфаронства. Моряк по призванию, долго служил во флоте. Имел большой стаж дальнего плавания. В японской войне¹² не участвовал, так как незадолго перед войною был назначен морским агентом при посольстве в Риме. Там женился на ^бдевушке^б из дипломатической семьи Ольге Константиновне Лишиной. По возвращении в Россию служил в Севастополе в штабе Черноморского флота. Выйдя в отставку, хозяйничал в имении в Полтавской губернии, одновременно служа по выборам в качестве уездного предводителя дворянства. С началом империалистической войны вернулся на морскую службу, получив видное назначение в Главный морской штаб в Петербурге. В деловом отношении был ценим. В семье же и в обществе отдавалось предпочтение его брату Дмитрию, исключительно из-за чрезмерной скромности Алексея. Последний был добрый и отзывчивый человек, Дмитрий же себялюбивый сухарь, в некоторых случаях *прямо* поражавший своею бесчувственностью. Но отец и мать, а за ними некоторые ближайшие родственники несправедливо считали Дмитрия лучше, талантливее, умнее Алексея. Он, правда, был не глупый и в некоторых отношениях способный человек. Но совершенно средний. Предпочтение же себе завоевал московским острословием, которое плоско и пошло культивировал с детских лет. И он застыл в этом детском острословии. Поэтому и в зрелых годах проявлял себя мальчишкой. Никакой серьезной работы никогда не проделывал. Был членом Государственной думы III и IV созывов, при бледности и бездарности большинства *ее состава* — одним из видных членов. Материально его обеспечила приблизившая к себе бездетная тетка, сестра отца, Чичерина, вдова известного *почтенного* профессора Московского университета Бориса Николаевича Чичерина. Не забыл его и дядя, бывший директор Азиатского департамента Министерства иностранных дел сенатор граф Дмитрий Алексеевич Капнист, поделивший по завещанию свое состояние между обоими племянниками Алексеем и Дмитрием. *Были у братьев Капнистов еще и другие именные денежные дяди — бывший посол в Вене граф Петр Алексеевич и харьковский губернский предводитель дворянства граф Василий Алексеевич Капнисты*.

Из других родственников моему отцу семей следует упомянуть о Самариных и Свербеевых. Младший из современных мне представителей семьи Самариных,

^{а-а} Вписано вместо: «Милые и добрые люди были Капнисты. И исключительно родственные».

^{б-б} Вписано вместо: «весьма милой особе».

Александр Дмитриевич, был призван в последние годы царствования императора Николая II на пост обер-прокурора Синода. Но он попал на этот пост уже в эпоху агонии империи, в разгар министерской чехарды, когда люди приходили к власти на несколько дней и часов и уходили ввиду безнадежной непримиримости велений совести с тем курсом, которому им предлагалось следовать и который диктовался пагубными влияниями на последнего царя, действовавшими через совершенно его поработившую императрицу¹³.

^аО Свербеевых: сенаторе Александре Дмитриевиче и бывшем после в Берлине Сергее Николаевиче упомянуто выше на стр. 69 записок^а.

Родство моей матери переносит нас из вельможных бюрократических кругов в среду поместного дворянства. Дед мой по матери Иван Александрович Протасьев, женатый на Марии Евлампьевне Кашинцевой, был во Владимирской губернии предводителем дворянства. Состояние его было большое. Но он имел неосторожность, не обладая соответствующими знаниями и опытом, поместить свои капиталы в промышленные дела. Вследствие заминки в импорте хлопка из Америки по случаю войны северных штатов с южными¹⁴, совершенно растерявшись и не сумев преодолеть кризиса, дед за бесценок ликвидировал ткацкую фабрику. В нее же всажены были громадные денежные средства и почти все дедовские имения. Разорение усугубили крупные проигрыши в карты сыновей деда. От большого состояния остались лишь небольшие земельные владения, перешедшие к сыновьям, и писчебумажная фабрика во Владимирской губернии. Вложенный в нее капитал был распределен на паи, доставшиеся после смерти деда его многочисленным наследникам. К числу их принадлежала моя мать. Управление фабрикою было вверено сонаследниками брату матери Николаю Ивановичу. Как и дед, никаких специальных сведений он не имел. Управлял владимирскою фабрикою, сидя в Москве и *продолжая играть в карты*. Последствия сказались постепенным уменьшением дивидендов. Дело долгие годы кряхтело, пока не развалилось окончательно. Мать потеряла все до копейки, когда я еще был гимназистом. Единственно, кого миновала катастрофа, это сестру моей матери, тетюшку Ольгу Ивановну, бывшую замужем за сенатором Батуриным. Желая приобрести предлагавшееся ей имение в Ковенской губернии в то время, когда Протасьевская писчебумажная фабрика еще существовала, она просила сонаследников о выделе ее из предприятия. Ее выделили, выдали причитающийся капитал, и имение она купила.

У деда и бабки Протасьевых было 19 человек детей. Но выжили девять — четверо сыновей Александр, Евлампий, Николай, Константин и пять дочерей, Надежда, Варвара, Анна, Ольга и младшая, моя мать, Вера.

Александр Иванович был женат на графине Софии Сергеевне Толстой, с которой прижил трех дочерей *Марию, Анну и Надежду*. Жена Александра Ивановича, прожив с ним лет пятнадцать, впала в душевную болезнь, от которой вскоре скончалась. Ему пришлось одному довоспитывать дочерей, что ему в совершенстве удалось, так как он был чистый сердцем, добрый и отзывчивый человек. Имел доставшееся ему от его матери небольшое имение в Рязанской губернии. Но он им не занимался, проводя с дочерьми в имении только часть летнего времени. Жил и служил в Петербурге, где был мировым судьей перво-

^{а-а} Фраза приписана позднее на нижнем поле листа от руки.

го созыва реформированных судебных учреждений императора Александра II. Большой чревоугодник, хлебосол, любитель всего веселого, охотник послушать всякие соленые анекдоты и самому поврать, он был олицетворением беспечного сибарита. В молодости неумеренно играл в карты. И значительную часть состояния промотал. Политической физиономии не имел никакой. *Мировым судьёю был добросовестным и хорошим.*

Евламий Иванович был только всего типичным прожигателем жизни, но прожигателем *убежденным*, большого масштаба. Красивый собою, он был избалован женщинами. И отдавался любовным увлечениям не в меру. Но прежде всего он был игрок, спустивший в карты огромные средства. Это, главным образом, его пагубная страсть к картам окончательно подорвала состояние его отца, расстроенное неудачною промышленною спекуляциею. Дед много раз отказывался платить карточные долги сына. Но бабушка, которой Евламий Иванович был любимцем, всякий раз добивалась платежа. Дед, суровый и строгий, выходил из себя. Происходили семейные сцены. Но дед платил и платил до изнеможения. В промежутках между карточною игрою Евламий Иванович отдавался кутежам. Много пил. Женился на Марии Николаевне Вишневецкой. Имел от нее двух дочерей — *Марию и Евлампью*. Еще в первые годы супружества к жене приехала погостить ее сестра-барышня. Евламий Иванович ее соблазнил и стал жить с нею. Жена накрыла любовников. Свояченица оказалась беременною. В доме водворился суций ад. Евламий Иванович старался сбыть свояченицу замуж как-нибудь за кого-нибудь. Но это не удалось. От создавшейся обстановки Евламий Иванович запил. Женщины, вино, запойная игра в карты сломили его здоровье и в сравнительно еще молодые годы прожигатель жизни сгорел.

Николай Иванович, управлявший Протасьевскою писчебумажною фабрикою, был также страстным игроком. Карты поглотили все его состояние, *сгубив и вверенную ему сонаследниками фабрику*. Женат был на Любви Сергеевне Загоскиной (внучатой племяннице писателя Загоскина), от которой имел пять сыновей и двух дочерей. Старший сын Иван, *мой сверстник*, в ту пору, когда впервые образовывалось наместничество на Дальнем Востоке, с адмиралом Алексеевым во главе, был назначен в состав управления наместничества на должность комиссара по финансовой части, из податных инспекторов в Петербурге, как единственный из инспекторов, владевший английским языком, знание которого считалось обязательным для службы на Дальнем Востоке¹⁵. С упразднением Дальневосточного наместничества Иван Николаевич был переведен в центральную Россию управляющим Курскою казенною палатою, а затем членом Совета наместника на Кавказе, по финансовой части. Умер вскоре после Октябрьской революции.

Младший из братьев моей матери, *наиболее ею любимый*, Константин Иванович, был чужд пагубной страсти к карточной игре, отличавшей старших его братьев. Был *милым*, красивым, скромным юношею. По окончании Школы гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров на военной службе не остался. Скончался, не достигнув двадцатипятилетнего возраста, от скоротечной чахотки.

Старшая сестра моей матери Надежда Ивановна, настолько старшая, что ровесницею моей матери была дочь Надежды Ивановны *от ее брака с Н. И. Хри-*

стофоровым^{15а} Мария Николаевна, скончалась вскоре после выхода замуж. Мария Николаевна вышла за судебного деятеля, бывшего потом сенатором, Брока, но развелась с ним, чтобы стать женою служившего в ту пору по прокурорскому надзору Леонида Михайловича Князева, впоследствии губернатора тобольского, после вологодского, костромского, курляндского, а затем иркутского генерал-губернатора и после члена Государственного совета. От брака с Броком у Марии Николаевны были сын и дочь. Дочь Наталья вышла за двоюродного брата своей матери, упоминавшегося выше Ивана Николаевича Протасьева, комиссара по финансовой части Дальневосточного наместничества. От брака с Князевым у Марии Николаевны было четверо детей. Двое умерли в раннем детстве. Выжили одна дочь и сын Владимир, офицер Конного полка, убитый в самом начале мировой войны при наступлении в Восточной Пруссии.

Наиболее близка моей матери была тетушка Ольга Ивановна. Погодки, связанные тесною дружбою, сестры задалась целью устроить свою жизнь так, чтобы и по выходе замуж не разлучаться. И им действительно удалось всю жизнь за редкими лишь перерывами прожить вместе. Ольга Ивановна семнадцатилетнею девушкою вышла за вдовца, много старше ее, имевшего уже от первого брака четырех детей, Анатолия Дмитриевича Батурина. Едва ли этот брак являлся результатом сознательного, сколько-нибудь продуманного шага со стороны невесты, по молодости ее лет. Едва ли имело место и серьезное с ее стороны увлечение. Говорят, убедила Ольгу Ивановну согласиться на предложение Батурина ее мать Мария Евлампьевна, исходившая из склонности большинства матерей того времени и того круга: при мало-мальски подходящем случае сбыть поскорее дочь замуж, чтобы не засиделась в девицах. Трудная на самом деле выпала задача Ольге Ивановне в семнадцатилетнем возрасте стать мачехою четырех пасынков. Но она для них была не мачехою, а подлинною любящею матерью. И не изменила своего любовного, полного заботливости отношения к ним, когда появились у нее и собственные дети. Всего менее заботился о своих детях их родной отец, *черствый и грубый во внешних проявлениях своего отношения к ним*. Когда дети подросли и их отдали в учебные заведения, Ольга Ивановна зачастую вносила задерживавшуюся мужем плату за их обучение из своих личных средств. Черствый и грубый, Анатолий Дмитриевич был вместе с тем развратный человек, искавший удовлетворения своей чувственности в постоянной смене объектов ее приложения. Он стал изменять жене на первых же порах после свадьбы. Ольга Ивановна это знала. Чувствовала себя оскорбленною. Но терпеливо сносила обиду, отдаваясь наполнявшим ее существование заботам о детях и пасынках. Анатолий Дмитриевич служил в Петербурге, где вскоре был назначен сенатором. Отец мой после недолгой службы в Петербурге в должности товарища прокурора окружного суда был переведен прокурором в провинцию — в Новгород, потом в Варшаву, откуда был назначен председателем окружного суда в Ярославль. На зиму семьи наши были разлучены. Но лето неизменно проводили вместе, сначала на дачах под Петербургом, в Старой Руссе, в Друскениках, а с приобретением Ольгою Ивановною имения в Ковенской губернии — в этом последнем имении. Одно лето обе семьи провели в Ярославле. Таким образом ими не прерывались самые тесные отношения. Жизнь тетушки и ее детей проходила у меня на глазах. Собственных ее детей было трое: ^асыновья Анатолий и Александр и дочь Ольга. Александр умер в раннем детском возрасте. Смерть его была первым

горем^а Ольги Ивановны. Но источником непрерывных и все увеличивавшихся мучений был сын Анатолий. Красивый мальчик, льстивший своею счастливою наружностью самолюбию отца, он даже с его стороны, при всей черствости Анатолия Дмитриевича, встречал только *предупредительную* ласку. Мать души в нем не чаяла. Оба родителя его баловали. Баловство, но не одно баловство, а, несомненно, и плохая врожденность, привели к тому, что в 12–13 лет Анатолий совершенно перестал учиться и не подчинялся никакой дисциплине. В случае наказания буйствовал. Он последовательно был исключен из трех учебных заведений. В этом же возрасте 12–13 лет стал пить и познал женщин. 15-ти лет он был уже подлинным алкоголиком, способным в состоянии опьянения ко всякому насилию и преступлению, и заболел сифилисом. Хотя и помещенный в больницу, продолжал пить, отчего от беспощадного недуга был только подлечен, а не вылечен. Жизнь в семье стала невозможной. Если ему отказывали в деньгах на вино и на женщин, то он громил квартиру, уносил ценные вещи и их закладывал. Неоднократно вступал в драку с отцом, выходя всякий раз победителем, так как в ярости был способен *решительно* на все, вплоть до убийства. Пришлось поселить его отдельно, выплачивая деньги на содержание. Тут он опустился до дна. Когда ему минул 21 год, его взяли в солдаты в гвардейскую конную артиллерию. Пить пришлось реже. Он был поставлен под особое наблюдение и в отпуск ходил не иначе, как в сопровождении дядьки. Все-таки пил. В промежутках отчаянно тосковал. Однажды после долгого выдержанного воздержания от вина в лагерях заполучил бутылку водки. Забрался на конюшню. Запрокинул бутылку с горлышка в рот и всю ее очистил. Покачнулся и упал мертвым. По-видимому, его сразил удар на почве незалеченного сифилиса. Мать его любила тем больше, что он был несчастным, больным неудачником, за которого она ни одной минуты не могла быть спокойною, что он не попадет под уголовную кару. Что приходилось матери переживать, вызволяя его из ряда серьезных историй? Спьяна он был однажды соучастником ограбления ювелирного магазина и при задержании на железной дороге стрелял в арестовавших его жандармов. В прекращении вечной мучительной тревоги за него мать не нашла все же утешения от его смерти. А за несколько лет перед тем Ольге Ивановне пришлось окончательно разбехаться с супругом, так как Анатолий Дмитриевич вступил в открытую связь с некоей семейною дамою и совершенно забросил собственное семейство. Ольга Ивановна с дочерью Ольгою Анатольевною переехала к моим родителям в Ярославль, а потом вместе с ними жила в Петербурге. Лето обе семьи проводили в ковновском имении Ольги Ивановны. Ольга Анатольевна вышла *в Петербурге* замуж за друга детства, бывшего царскосельского гусара, крупного волынского помещика Бориса Сергеевича Мезенцева. Пасынки Ольги Ивановны Сергей и Дмитрий Батурины оба были военные. Красавец Сергей, адъютант командующего войсками Одесского военного округа, рано скончался от прогрессивного паралича. Дмитрий, добрый, душевный человек, *безукоризненный джентльмен*, вышел из юнкерского училища в офицеры в Смоленский драгунский полк, стоявший под гор<одом> Ковною, постоянно бывая в имении мачехи. *В Ковно же женился*

^{а-а} Вписано вместо: «сын Анатолий, на год старше меня, дочь Ольга — моложе меня на год, и младший сын Александр, умерший в пятилетнем возрасте от дифтерита. Смерть этого ребенка была первую тяжелою трагедиею».

на милой и хорошенькой барышне Ольге Александровне Скорняковой-Писаревой. Во время японской войны, командуя эскадрой Смоленского полка, оставшегося в России, отправился добровольцем в действующую армию в казачью часть. Воевал, участвовал в сражениях, но остался цел. При эвакуации заразился в Сибири тифом и скончался. Анатолий Дмитриевич Батурин, постепенно охладевая к разлучившей его с женою семейной даме, стал все более опускаться. Свое сенаторское звание он волочил по кабакам и увеселительным садам, ухаживая за проститутками. В обществе от него стали отворачиваться. Излюбленным им местом походов был владимирский приказничий клуб, представлявший собою в описываемое время подлинный женский базар.

* * * * *

К помещичьему быту мне довелось ближе всего присмотреться, в восьмидесятых и девяностых годах прошлого столетия, в губерниях Ярославской и Ковенской (ныне входящей в состав автономной Литвы).

В Ярославской губернии, как вообще в северной и средней полосе прежней России, помещичьи усадьбы преимущественно были под один шаблон. От почтового тракта или проселка идет к усадьбе непременно аллея, обсаженная березой. Упирается в ворота. Вы въезжаете в просторный двор, густо заросший крапивой, лопухом, чертополохом и изборожденный протоптанными тропками от стоящего в центре главного дома к флигелям и службам. Дом преимущественно одноэтажный, но непременно с мезонином. Подкатываете к подъезду и проникаете в дом. Большие, многооконные, светлые комнаты. Старинная мебель, большею частью красного дерева. Карельская береза. Мебель почерневшая, сильно подержанная, с изъянами. В углу от пола почти до потолка старинные английские часы с огромным циферблатом. Портрет императора Николая I и батальные картины. Деревянная позолоченная люстра empire и такие же настенные бра. Это — зала, порою одновременно служащая столовою. Иногда тут же более или менее старое фортепиано. Далее гостиная, стены которой сплошь увешаны портретами предков, писанными масляными красками, или старинными дагерротипами. Из позолоченных рам выглядывают старые, молодые, красивые, безобразные, порою совершенно неопределенные средние лица. Иные портреты так от времени потемнели, что ничего в них не разберешь. Мужчины в военных, гражданских мундирах, старинных фраках, с взбитыми коками и начесанными вихрами висков. Высокие воротники. Широкие обмотанные вокруг шеи галстухи. Дамы, девицы в высоких прическах, светлых платьях, сильно декольтированные, с неизбежным цветком в манерно согнутой руке. Старинная бронза. Часы с музыкой и пляшущими фигурами. Механизм большею частью попорчен. Из гостиной стеклянная дверь ведет на веранду. От нее, поддерживая балкон мезонина, поднимаются, в числе от четырех до шести, массивные деревянные колонны. Спустившись с веранды по ступенькам широкой деревянной лестницы в сад и обернувшись назад, вы созерцаете декорацию первого действия «Евгения Онегина»¹⁶, изображающую дом Лариных. Мы попали в совершенно такой же дом помещичьего типа, воспроизводившегося во всей средней полосе прежней России. *В доме комнат много.* Сад большой, запущенный, две-три клумбы цветов

перед верандою и обчелся. А дальше густая трава, заросшие сорными травами дорожки, еле заметные тропинки. Сад незаметно переходит в парк, а последний, по своей запущенности, столь же незаметно в лес. Попадаются следы разрушенных беседок. Подходим к широкому, близ берегов зацветшему пруду. За ним виднеется маленькая, покосившаяся баня. К парку примыкает церковная ограда. Небольшая сельская церковь, погост, дом священника.

В одном таком имении хозяйничал владелец-земец, бывший измайловский офицер князь Дмитрий Семенович Урусов. Он с шестидесятых годов прошлого века проводил в своем хозяйстве крайне своеобразно им усвоенные принципы рационализации и режима экономии. Срубил фруктовый сад, как не оправдывавшую расходы роскошь, выкорчевал и обратил в огород и пашню. Признав нерациональную дорожную аллею от усадьбы к соседней деревне, ибо отбрасывавшаяся аллею тень задерживала рост примыкавших хлебных посевов, князь срубил и аллею. Разрушил и снес все казавшиеся ему нерациональными службы и постройки. Находил разорительным содержание в доме окон, требовавших время от времени ремонта рам и нового по мере разбития стекол остекления. Хотел половину окон замуровать. Княгиня Варвара Силовна заставила его от этого плана отказаться, категорически заявив, что если он замурует хотя одно окно, то она не переступит порога деревенского дома и будет проводить лето в городе. Разрушительные фантазии князя были куда менее вредны созидательных проектов других помещиков, фантастичнее один другого. Поэтому его имение, хотя еле-еле, держалось и сохранилось за семьею и после смерти князя. В земстве князь стремился осуществлять те же своеобразные рационализацию и режим экономии. Но ему не давали ничего разрушать, хотя бы, с его точки зрения, и нерациональное. Зато он ничего не созидал, и за время его председательства в губернской управе земство не несло, по крайней мере, непроизводительных расходов. Только уж больно он был горяч на земских собраниях. Его критика действий земских людей неизменно сопровождалась негодующим выкриком, что «такого-то земца надо спустить в отхожее место». Это, разумеется, не нравилось, и князя за такие выкрики не любили, но считались с ним. Князь был взглядов просвещенных, твердый, по отношению к власти лояльный, и на таких, как он, власть могла опираться. Жена его Варвара Силовна, из петербургской дворянской семьи Баташевых, отличалась большою манерностью и жеманством, которыми подчеркивала деликатность и тонкость воспитания. Наружно была отменно набожная, но зла на язык. Все косточки-то ближнего она перемоет. Все-то подметит и все осмеет. Свое насмешливое злоязычие она передала и трем своим дочерям — Варваре, *вышедшей впоследствии замуж за сына упоминавшегося выше сенатора Калачова, бывшего офицера, а потом земского деятеля Геннадия Викторовича*, Екатерине и Марии. Насмешливые злючки-княжны были, за всем тем, интересные. В девицах не засиделись. Екатерина Дмитриевна вышла замуж за упоминавшегося выше директора Департамента полиции А. А. Лопухина.

Из сыновей князя упоминавшийся выше в настоящих записках старший Сергей, рано женившись по окончании Московского университета, засел хозяйничать в имении жены в Калужской губернии и служил там по выборам. Впоследствии был в одной из центральных губерний вице-губернатором, а потом бессарабским губернатором, стяжавшим себе *большую* популярность среди еврейского населения. Его перу принадлежит ^аобратившая в свое время на себя

внимание^а книжка «Записки губернатора»¹⁷. В губернаторах не удержался, так как был признан не в меру либеральным. В 1905 г., с образованием первого объединенного кабинета министров под премьерством С. Ю. Витте, был назначен товарищем министра внутренних дел. И здесь не удержался, опережая своими действиями развитие событий. Вступил в партию кадетов, баллотировался в первую Государственную думу и попал в число ее членов. После роспуска Думы подписал известное Выборгское воззвание, за что положенный срок отсидел и на этом закончил свою политическую карьеру¹⁸. Вернулся к земле. Был человек умный, остроумный и обаятельный.

Колоритную фигуру представлял собою брат князя Дмитрия Семеновича генерал-майор в отставке князь Сергей Семенович Урусов. Гигантского роста, красивый, бодрый старик с большою окладистою бородой, большими умными глазами. Из офицеров Лейб-гвардии Конного полка отправился добровольцем на защиту Севастополя, выдержав всю его одиннадцатимесячную осаду, командуя сначала полком, а потом бригадою¹⁹. Он поражал своим бесстрашием не только своих, но и неприятеля, сознательно его щадившего. «*Ne visez pas le grand*»^б, — раздавалась команда из французских окопов. По окончании войны производил смотр его героической бригады прибывший из Петербурга штабной генерал, на войне не побывавший и пороха не нюхавший. Он возмутил князя мелкою придирчивостью к солдатам по поводу недостаточно блестящих пуговиц на мундирах и других мелочей. Когда за вовсе отсутствовавшую пуговицу ревизирующий генерал одного бравого ветерана ударил, князь с *восхитительною непосредственностью* приказал солдату выстрелить в ревизора, добавив к командной формуле своим *раскатистым басом*: «Стреляй в эту сволочь». Солдат команду выполнил. Находчивость побудила его, однако, выстрелить выше цели. Князя по квалификации слишком видного севастопольца за этот подвиг только «убрали». Он удалился будировать в подмосковное имение, недалеко от Троице-Сергиевской лавры, оставленное ему в пожизненное владение рано скончавшеюся женою. Там, в опальном уединении, он *впервые* занялся высшею математикою, издав замечательные труды, частью перепечатанные в мемуарах Французской академии. Изучил древний еврейский язык, а потом весь ушел в оккультные науки. Попутно настолько усовершенствовался в шахматной игре, что приобрел, в качестве выдающегося шахматиста, *широкую*^с известность, и к нему приезжали в имение с *о* специальною целью с ним сразиться знаменитости из-за границы. Князь был большим приятелем соратника своего по Севастополю графа Льва Николаевича Толстого. Часто наезжал к нему. Крестил нескольких его детей. При свиданиях происходили нескончаемые споры, порою заканчивавшиеся, вследствие повышенного темперамента обоих спорщиков, временными размолвками между ними. Потом дружба восстанавливалась, горячие споры возобновлялись. Хозяйством в имении князь непосредственно не занимался и не принимал участия и в земских делах. После долгого своего затворничества в имении, стариком, хотя и *очень* бодрым, но уже около 60 лет, внезапно появился у своего брата Дмитрия Семеновича. Не избег очарования своих племянниц, явно влюбившись в двух

^{а-а} Вписано вместо: «талантливо составленная».

^б «Не целиться в большого» (фр.).

^{с-с} Вписано вместо: «мировую».

старших. Ревновал ко всей ухаживавшей за племянницами молодежи. Терзался выходом каждой из них замуж. Но уже не мог оторваться от семьи брата и все последние годы прогостил частью у него, частью у замужних его дочерей, всячески их балуя, развлекая, одаривая за счет сбережений, накопленных за время сидения в подмосковном имении.

В числе ярославских помещиков был еще другой севастопольский герой, чье имя отмечено в летописях войны 1854–55 гг.²⁰, моряк Михаил Федорович Белкин. Ему принадлежало прекрасное имение на впадающей в Волгу реке Которосли, в стороне от московского тракта, с которого сворачивали к нему от расположенного на этом тракте села Кормилицына, невдалеке от имения поэта Н. А. Некрасова при селе Карабихе. Михаил Федорович, не только доблестный герой войны, но и редкой души прекрасный человек и хороший служака, продолжавший и после войны служить в Морском ведомстве в Петербурге, был хозяином своего имения отменно плохим. Хозяйства он не знал и им не занимался, наезжая в имение с семьей только летом на дачу. Сдавал имение в аренду основательно его грабившим местным кулакам. Дела его были в настолько плачевном состоянии, что сдавался на лето внаем под дачу и главный дом в имении, и Михаил Федорович ютился с семьей в небольшом флигельке. В другом проживал арендатор имения. В местных выборных учреждениях Михаил Федорович участия не принимал.

Ближайшим его соседом был бывший аракатеевский адъютант, старик-помещик Кузьмин, замечательный настолько крепкою старостью, что умер 97 лет от роду в поле от удара, наблюдая за полевыми работами. 93 лет он еще танцевал мазурку. Этот крепкий старик был и помещиком крепким. И име^a

Немного дальше по Московскому тракту хозяйничал в имении Кобякове отставной гусар начала прошлого века Александр Григорьевич Высоцкий. Расчетливый был старик. И сохранил и имение, и недвижимость в самом городе Ярославле. Но постепенно и его дела расстраивались. Имение запускалось. Расчетливость не могла заменить недостававших Александру Григорьевичу и так и не усвоенных им за всю его долгую жизнь навыков и знаний в сельском хозяйстве, за отсутствием склонности к работе на земле.

В имение в Даниловском уезде вернулся в начале восьмидесятых годов прошлого столетия из долгой ссылки по политическому делу в Сибири Яков Афанасьевич Ушаков. Я его хорошо знал и был в близких товарищеских отношениях по университету с его старшим сыном Константином Яковлевичем. Однако естественно меня интересовавшие обстоятельства и причины ссылки Якова Афанасьевича мне так и не удалось узнать от него самого или от его сына²¹. Непонятная его и его семьи скрытность в этом отношении давала повод злым языкам утверждать, в умаление общественных симпатий к «пострадавшему», что пострадал он не за убеждения, каковых будто бы у него никаких и не было, не за деяния, которых не совершил, даже не за намерения, которых не имел вовсе, а лишь потому, что по легкомыслию совсем еще молодым человеком дал себя вовлечь в конспиративную организацию, не зная, что ею замышляется конспирация. Полагал, что дело сводится к либеральным разговорам, а полиберальничать он был не прочь. Дело было модное и создавало некий ореол. Однако организация

^a Конца фразы в рукописи нет.

оказалась конспиративная. Яков Афанасьевич будто посетил ее собрание только один-единственный раз. И в этот единственный раз был со всеми участниками собрания арестован, судим и сослан. Так говорили злые языки. Так как эта их версия никем не опровергалась, то она и укрепилась. В общем она оказалась для Якова Афанасьевича полезной. Устанавливавшееся ею отсутствие «убеждений, деяний и намерений» помогло Якову Афанасьевичу восстановиться в правах состояния и определиться на службу, да еще по администрации — непременно членом губернского по земским и городским делам присутствия (*апелляционная инстанция по жалобам на решения земских начальников*). А то обстоятельство, что за идею или без идеи Яков Афанасьевич все-таки «пострадал», возвело его в Государственный совет по выборам от губернского земства. Так как подлинной крамолы в его прошлом, тем не менее, как будто не было, то избрание было встречено сочувственно и правительственными кругами. Словом, все устроилось к лучшему. Яков Афанасьевич был безмерно счастлив своему внедрению в Государственный совет. Пытался играть в нем роль, но это ему не удалось, так как талантами все-таки не отличался. По внешности — грузный, осанистый, в очках, с большой бородою. Аграрием Яков Афанасьевич был плохим.

В Государственный же совет по выборам проник ранее Я. А. Ушакова другой ярославский помещик, Мологского уезда, Митя Калачов, именно Митя — мало кто его называл иначе, полным именем Дмитрия Викторовича. Митя был старший сын упоминавшегося в начале настоящих записок сенатора Виктора Васильевича Калачева. Образования был неважного. И поведения, как его характеризовали, туманного; но способный и ловкий был человек. И душа общества: веселый, разговорчивый, остроумия неисчерпаемого. Рано стал покучивать и огорчал родителей. Влезал в долги, родители платили. Потом суровый папаша перестал платить. Митя стал путаться и бедствовать. Достоверно известно, что стащил у отца дорогую шубу и заложил. Потом полный туман, какая-то дырка в его жизни, что-то он натворил такое, после чего надолго совсем пропал. В семье на расспросы о нем не отвечали, как будто его вовсе никогда и не было. Пронесся слух, будто Митя был вынужден, вследствие содеянных каких-то нехороших поступков, эмигрировать в Бразилию. Думаю, что эмигрировал он не так далеко, так как впоследствии при упоминании о Бразилии, при всей его словоохотливости и находчивости, о Бразилии он рассказывать затруднялся и так же о ней умалчивал, как молчала семья о нем, когда он отправился в эту самую Бразилию. Года два спустя мы застаем Митю, сына весьма достаточных почтенных родителей, в совершенно растрепанном виде скрывающимся у приютившего его добрейшего чиновника особых поручений при ярославском губернаторе Михаила Ивановича Хрущева в жалком его номерке меблированного притона, где-то на Власьевской улице в Ярославле. Митя изображает развязанность, громко хохочет, жестикулирует. Но ясно, что дела его совсем нехороши. Потом, потом все хорошо устраивается. Глядишь, Митя вернулся к родителям, и как будто никогда нигде и не пропадал, и в Бразилию не ездил. Устраивают ему вскоре какой-то ценз в Мологском уезде, и вот он уездный предводитель дворянства. Потом женится на заведомо дефективной, но богатой двоюродной племяннице, забирает себе и тещу — свою двоюродную сестру, а кстате и все состояние и жены, и тещи. Жизнь строится на широкую ногу: шампанское льется рекой, постоянные, отменно хорошие, умелые и тонные (так!) приемы и угощения у себя дома. На-

езды в Петербург и Москву, гостиницы, рестораны, обеды и ужины с цыганами, словом, благодать. С женою и тещею становится взыскателен и строг. Окончательно их обезличивает, забирает в руки и из их же денег скупо отпускает им на расходы, всячески их урезывая, копейки и гроши. Сам бросает тысячи. Он хозяин прекрасного имения близ исторического, по князю Курбскому, села Курбы. И докатывается до Государственного совета.

Стоит ли продолжать? Средние, ничем не примечательные, постепенно разоряющиеся помещики эпохи дворянского оскудения Волковы, Яковлевы, Михайловы, Макаровы, Быченские, Хомутовы и прочие. Имя им легион. Сыновья их, те, что поудачнее, уходят в столицу, похуже — оседают на земле, попадают в дворянские и земские учреждения, потом комплектуют Государственную думу или выборную половину Государственного совета. *Митя еще индивидуален. Он дошел до подлинной или хотя бы до вымышленной Бразилии и сумел шумно и красиво пожить. А не угодно ли посмотреть на Серезу Б. Он также земец и правит земским делом, но ему ни до какой Бразилии не додуматься. Он вообще ни думать, ни говорить не умеет. Только мычит и славен лишь тем, что в бытность в Тверском кавалерийском, наинизшего разряда военном училище, прыгая через деревянную кобылу, сломал кобылу, себе нисколько не повредив. Событие это долго хранилось в памяти восхищенных современников.*

Много было и помещиков-абсентеистов. Жили в свое удовольствие за счет доходов или закладов своих имений, преимущественно в столичных городах. В губернию наезжали редко. Временно оседали, если, глядишь, кого-нибудь выберут на заманчивую должность губернского предводителя дворянства. Ею обеспечивался генеральский чин и другие отличия²². Так промелькнули в Ярославле князь Шаховской, позже Михалков, позднее князь Куракин.

* * * * *

В Ковенскую губернию, в весеннее, летнее время, уже одна поездка из Петербурга сама по себе представляла сплошное удовольствие. Бывало, сядешь с вечера на Варшавском вокзале в вагон скорого поезда. А наутро — Вильна. Солнце. Бодрящий свежий воздух. Хороший вокзал, хороший буфет, хороший завтрак. Без малого 800 верст от Петербурга, от его деловой суеты, *служилых будней*, дурного климата, скучного, пьяного разврата, летних шато-кабаков, бесстыдных белых ночей, летней духоты, летних ремонтов, *летних ароматов, промозглых, склизких дворов и черных лестниц*. Завтрак, не спеша, сочная, *нежная* отбивная телячья котлета, бутылка пива, жареные пирожки, чай, прогулка на перроне вдоль остановившегося поезда. Много знакомых отменно петербургских лиц. Путевая непринужденность костюма. Мягкие рубашки, туфли, кепки. Скрылись в северном тумане цилиндры, котелки, чопорные крахмальные воротники и пластроны, узкая, тесная обувь. Поезд мчится по миниатюрной Литовской Швейцарии. Все повышающиеся в росте лесистые холмы, очаровательные извилины голубой Вилии. Кошедары, Жосли, Евье, Ландварово. Сбоку вдали переходящая в горы цепь холмов и внизу черное пятно туннеля, куда по крутому закруглению устремляется поезд, оглушительно свистя. Свист становится резче. Поезд врывается в туннель. Погружается во мрак. Зажигаются электрические лампочки.

Свист паровоза достигает своего максимума. Режет уши. Летит поезд во мраке туннеля несколько минут. Кажется, конца ему не будет. Брезжит свет. Паровоз вырывается, увлекая вагоны, на залитый солнцем простор широкой долины. Аллея пирамидальных тополей. Быстро надвигается сеть железнодорожных сооружений и зданий. Еще несколько взмахов колеса. Вокзал. Ковна.

К услугам прибывшего путника дребезжащая старую железную рухлядью пролетка извозчика-еврея. Сбитые рессоры скашивают пролетку набок. Старая дремлющая кляча неохотно просыпается под неистовое гиканье и кнут извозчика, надрывающегося на козлах. Еле сдвигается с места. Дряхлый шаг росинанта переходит в усталую ленивую рысь. Евреи, евреи, еврейская детвора. Солдаты, много солдат. Попадаются литовцы-жмудяки. Рослые, светловолосые, голубоглазые красавцы. Красивые женщины. Город того времени — сочетание современных улиц и построек с узкими средневековыми закоулками и архаическими зданиями древних времен. Новый город. Старый город. *Новый православный собор. Бульвар. Старые католические церкви. Синагоги.* Через базар извозчик скатывается налево к берегу Немана. Плоский берег. Плавающий мост на противоположную сторону к расположенному на высоком откосе предместью Алексотта. *Оно уже в другой губернии — Сувалкской.* Ниже моста по течению красавца Немана пароходная пристань. Дымит пароход. На пассажиров набрасывается толпа полуоборванных евреев-носильщиков. Из-за каждой поклажи поднимается свалка под аккомпанемент неистовой гортанной ругани. Овладевший багажом пассажира сутулый еврей в широком картузе с грязной, библейской бородой и кроткими печальными глазами *взвалил чемодан на плечо и бежит по танцующим сходям на пароход.* В пассажирской каюте всегда найдется свободное место на растянутом вдоль стен сплошном мягком диване. Пассажиров-первоклассников сравнительно немного. Нет тесноты. Преобладают *все-таки* и здесь евреи. *Расплачиваюсь с носильщиком, сажусь и терпеливо жду отхода парохода.* После нескольких отчаянно-хриплых свистков и оглушительной возни на палубе галдеж и шум стихают. Пароход трогается и выплывает на середину сверкающей под *ослепительными* солнечными лучами многоводной реки. Бежит, удаляясь, город. Нарастают вдали крепостные валы. Заново пересооруженная первоклассная крепость. Вся скрыта в высоких горообразных холмах. *Сооружалась в величайшем секрете.* Налево Сапежишки — бывшие владения магнатов рода Сапеги. Направо, на высоком нагорном берегу при впадении в Неман реки Невяжи Красная Мыза графов Тышкевичей с высоким, белым, как снег, костелом на вершине горы. Дальше. Излюбленная ковенскими евреями дачная местность Колотово. После виленского завтрака, под влиянием благотворного воздуха на просторе широкой реки, вновь заявляет о себе аппетит. По каюте мечется буфетная барышня. В результате переговоров — бифштекс по-гамбургски с поджаренным луком и выпущенным яйцом, пиво, кофе. Пароход частенько останавливается посередине реки, принимая пассажиров с лодок. Но нет нетерпения. Некуда спешить. Сладок отдых от нервящей столичной суеты на тихом речном просторе под ласкою летнего солнца. Но вот на горизонте растет нависшая над берегом песчаная гора. Опять костел. По скатам горы лепятся, скатываясь к реке, беспорядочно разбросанные хибарки. Это Вильки — место пересадки прибывшего пассажира — с парохода на высланный из имения экипаж. Предстоит переезд *верст в 15* на лошадях. На пароход устремляется галдеющая толпа носильщиков. *Знакомый горбун-еврей при-*

метил меня издали. Подмигивает. И я отказываю набросившейся на меня ораве других носильщиков. Впряженная в коляску четверка лошадей цугом ожидает у самых сходней. Кучер Адам в ливрее с пелеринкою, в фуражке с серебряным галуном гордо восседает на высоких козлах. Оглушительно хлопает бич. Толпа еврейских мальчишек стремительно разбегается в стороны. Коляска тихо поднимается в гору, глубоко увязая колесами в обильный желтый песок. Наверху, выбравшись из песчаного моря, выкатывается на гладкую, прекрасно утрамбованную трактовую дорогу и крупною рысью лошадей несется сменяющимися по бокам пути сосновым бором, полями, лугами, хуторами, приосененными кущами тополей, широковетвистых ив, дубов, фруктовыми садами. Колосится рожь. Перемежаясь с нею, синеют по бороздам васильки. Навстречу попадают стада. Промычит задумчиво уставившаяся на коляску корова. Хрипло пролает мохнатая угрюмая шавка. Лениво оборачивается залегший под кустом пастух с корзинным плетением в руках. Вечереет. В низине над поросшим камышом болотом стелется белыми клубами туман. Скрипит дергач. Низко летит к соседней усадьбе аист. Коляска въезжает в заселенное евреями типичное местечко ^абывш<его> Северо-Западного края^а. В каждой избышке мелочная лавочка. Каждый еврей — купец, будь у него всего на несколько грошей товара. Почтовая станция, синагога, казенная винная лавка, костел. Мимо, мимо, коляска сворачивает в проселок налево, мчит к крестьянской жмудской деревне *Кайлава*. Еще поворот налево. Проносится через деревню. Сейчас за нею начинающееся садом имение. Вновь торжественно хлопает бич. Коляска влетает в широкие каменные ворота. *Приехали*.

Имение в полуверсте от дивной по красоте долины притока Немана — реки Дубиссы. В ближайшем соседстве польские имения. При впадении Дубиссы в Неман над местечком Средники высится великолепный Бельведер — имение Бурбы. Некогда, еще на памяти моей, имение было царственно богато — сплошной розариум, аллеи померанцевых и лавровых деревьев в катках (так!), изумрудные газоны, оранжереи с тропической флорой, персиковыми деревьями, виноградною лозою, роскошные фруктовые сады, дворец, богатейшие конюшни с тысячными лошадьми, псарни. Но последние Бурбы, просаживая громадное состояние в Париже и Монте-Карло, в завершавшемся прогрессивным параличом разврате, пьяном угаре, разорительной игре запустили и богатое свое имение. Отцвели розариумы, опустели оранжереи, ликвидировались конюшни и псарни. Остался медленно разрушающийся, но все еще великолепный дворец Бельведер, высющийся над Неманом в горделивом, осиротелом молчании. *За Чекишками* по Россиенскому тракту, недалеко от местечка Эйрагол, расположилось другое, но уже далеко не столь великолепное имение Бурбы, сданное в аренду крупному шляхтичу. Поодаль от Бельведера по Неману тяжело навис над рекою громадный замок Равданы, пожалованный Екатериной II последнему своему фавориту Зубову и перешедший от него по женской линии к роду Ваксель. Одним из представителей этого рода был упоминавшийся выше в записках Платон Львович, директор канцелярии Министерства иностранных дел, после непременно член совета ведомства. *Он не был женат*.

Под самыми Эйраголами, в Ковенском уезде, за вторым имением Бурбы расположилось имение русского помещика из дворянской служилой семьи Алек-

^{а-а} Вписано вместо: «Чекишки».

сандра Александровича Миллера. Имение Чехово. К нему ведет от Россиенского тракта длинная, свыше полутора верст, аллея пирамидальных тополей, внушительная и прекрасная. Дом замкового типа, седой старины, но основательно подновленный и модернизированный, давил обилием просторных светлых покоев одинокого Александра Александровича *и настойчиво требовал для него семьи*. Вокруг многодесятиный фруктовый сад, солидные каменные службы. Александр Александрович был молодой, *высоко культурный, интересный* и обаятельный человек. По окончании Петербургского университета не бросился традиционно на службу, а поехал хозяйничать в имение, оставленное ему отцом. И был в этом отношении стократ прав. В конце концов, уже в зрелом возрасте, и он стал служить. Но после того как основательно укрепил имение, подведя под него прочную хозяйственную и финансовую базу, и когда обстоятельства сложились так, что не напрашиваться ему приходилось на службу, а лишь согласиться поступить на нее. Он близко сошелся с хозяйничавшим верстах в тридцати в имении под Кейданами Петром Аркадьевичем Столыпиным, ставшим впоследствии премьер-министром. Столыпин и Миллер, в придаток к основным своим владениям, совместно приобрели небольшое общее имение под Тауроеном с сыроваренным заводом. Столыпин долго был ковенским уездным предводителем дворянства. Когда он был назначен ковенским же губернским предводителем, *то ввиду ярких способностей и деловых качеств А. А. Миллера, при основательном его знакомстве с местными условиями и бытом, естественно желая к тому же опираться на друзей, Столыпин* уговорил Александра Александровича принять назначение на освободившуюся должность уездного предводителя. Сделавшись же премьером с портфелем министра внутренних дел, Столыпин исходатайствовал приятелю звание камергера и провел его на должность президента города Варшавы (нечто вроде городского головы по назначению) с солидным окладом и прелестною казенною квартирою неподалеку от Саксонского сада. К тому времени Александр Александрович был уже женат и с детьми. Большой женолюб, он в молодые годы отдал заслуженную дань красоте прекрасной половины местного населения. Не без успеха ухаживал и в ковенских служилых кругах. Избаловался. Немножко утратил критериум обязывающих шагов и, хотя всегда высказывался против женитьбы, за холостяцкую жизнь, оказался в один прекрасный день, в результате настойчивого флирта, женатым на ^аобладавшей^а весьма решительным характером дочери видного военного из местного крепостного гарнизона Елене Александровне де Роберти. Появились дети. Чеховский замок превратился из пустынного приюта холостяка в оживленный семейный дом, чего так прежде недоставало обширным его покоем. Хорошо принимала гостей чета Миллер. Но недурно чувствовали себя в Чехове и прежние посетители холостого Александра Александровича. Угостит, бывало, на славу. За столом умно и умело направляемая гостеприимным хозяином непринужденная беседа тем неудержимее и веселее лилась, что было светло и тепло, и все были молоды тою молодостью, которая таит в себе неограниченные возможности и выливается в не задумывающуюся радость жизни. *Обедали. Пили хорошие, тонкие вина. А потом кофе, ликеры, сигары.*

Под Кейданами, древнейшим историческим поселением с остатками внушительных построек, возведенных еще тевтонскими рыцарями, владений и усы-

^а Вписано вместо: «уменьшкой, миленькой, с».

пальницы князей Радзивилл, было расположено имение наследников ^авидного участника^а русско-турецкой войны 1877–78 гг. генерала графа Тотлебена. Наследниками были молодой граф, гвардейский сапер, женившийся на красивой барышне Гаугер, и его сестры, из которых одна была замужем за бароном Будбергом, ставшим впоследствии, после Д. С. Сипягина, управляющим Комиссией прошений, а другая за первым секретарем нашего посольства в Берлине Василием Яковлевичем Фан дер Флитом.

Неподалеку находилось имение Калнабержи Петра Аркадьевича Столыпина, женатого на весьма надменной Ольге Борисовне, урожденной Нейгардт, сестра которой Анна Борисовна была замужем за Сергеем Дмитриевичем Сазоновым, в ту пору советником посольства в Лондоне, впоследствии, в 1910 г., назначенным министром иностранных дел.

Под Кейданами же было расположено маленькое имение многократно упоминавшегося в записках Николая Николаевича Покровского — последнего царского министра иностранных дел — являвшего личность исключительно светлую, редкую по сочетанию качеств ума, души и сердца, при выдающихся способностях и *исключительной* просвещенности. Это был впоследствии единственный министр в составе правительства последних дней царского режима перед Февральской революцией 1917 г., про которого разгневанная, приведенная в отчаяние Государственная дума выразилась устами одного из своих лидеров, при общем одобрении ее собрания, что это единственный в правительстве «кристалически чистый» человек²³. Он действительно был таким. В описываемую пору, накануне большой карьеры, Н. Н. был вице-директором Департамента окладных сборов Министерства финансов, директором которого был тогда Н. Н. Кутлер. Раньше Н. Н. Покровский был начальником отделения в канцелярии Комитета министров, выдвинутый за трудолюбие и способности справедливо их оценившим управляющим делами Комитета Анатолием Николаевичем Куломзиним. Служба в Петербурге позволяла Николаю Николаевичу бывать в Борткунишках (так называлось его имение) только летом, и то приезжая на какой-нибудь один месяц. Но с начала лета до его конца жила в имении семья Н. Н. — жена Екатерина Петровна, урожденная Волкова, и трое сыновей, тогда еще в раннем детском возрасте. По своей бабке Н. Н. имел родственников среди поляков, ценивших его и любивших. Благодаря этим связям *и тому обстоятельству, что Н. Н. свободно говорил по-польски, хотя в польской помещичьей среде, принципиально избегавшей в неофициальных сношениях русский язык, можно было вполне заменить его французским, на котором поляки-помещики, как и Н. Н., изъяснялись в совершенстве*, с Николаем Николаевичем, несмотря на то, что он был русский и притом русский бюрократ, поддерживали отношения и польские круги, оказывавшие ему заслуженное уважение. *О нем и о его роли в правительстве речь, однако, впереди, когда в порядке хронологического изложения придется коснуться того времени, когда он перешел к высшим должностям. В описываемую пору, хотя много доброго и хорошего я о Н. Н. неоднократно слышал, главным образом в Петербурге от общих друзей, служивших вместе с ним в канцелярии Комитета министров, но лично с ним знаком я еще не был. Познакомиться, а познакомившись, связать совместную работу и на долгие годы сдружиться пришлось, впрочем, вскоре.*

^{а-а} Вписано вместо: «героя».

* * * * *

Литовцами в прежней Литве, до отделения ее впоследствии мировой войны от России, считали себя и таковыми подлинно являлись местные крестьяне, мелкие шляхтичи и тонкая прослойка молодой, не успевшей ополячиться интеллигенции из крестьянства и шляхты. Помещичий же класс, если не считать немногочисленных русских, проникших в край в связи с мерами ограничения польского землевладения после польского мятежа, был представлен исключительно поляками или ополячившеюся литовскою знатью, к которой, например, принадлежали Огинские (от литовского Огайтис), Тышкевичи (Тышкас) и т. п. Духовенство, и литовского происхождения, было преклонно полякам, и ксендзы литовцами себя не признавали. Лишь в среде молодежи, воспитанников римско-католических семинарий и духовной академии, а также молодых викарных ксендзов возникло в последние годы прошлого столетия националистическое литовское движение, всячески, однако, подавлявшееся католическими верхами. Совпадение делений сословного и национального — польские верхи и литовская низовая база — являлось наследием далекого прошлого. Феодалами-панами в крае были поляки, а литовцы являлись их быдлом, и быдлом не только жестоко эксплуатировавшимся, но и подвергнутым сугубо жестокому крепостному режиму, перед которым бледнел крепостной режим старой России. Во многих панских замках сохранились подвалы-казематы со вделанными в стены концами цепей, в которые заковывалось несчастное быдло, подвергавшееся всяческим истязаниям и без конца томившееся в мрачных подвальных тюрьмах. Угнетенное литовское население, естественно, ненавидело угнетателей-поляков. Ненависть традиционно сохранилась и по освобождению населения от крепостной зависимости. Пришедших в край после польского мятежа русских помещиков, с которыми старых счетов у литовских крестьян не было, население встретило в общем приязненно. Отношения установились бы и совсем хорошие, если бы не разжигаемая католическим духовенством религиозная нетерпимость к православным, являвшимся в глазах католиков схизматиками и еретиками. А ксендзы держали в крепком подчинении религиозное сознание крестьян. Женская половина населения проявляла, под влиянием духовенства, крайнюю религиозную экзальтированность и фанатизм. Как-никак, с крестьянами у русских отношения наладились, и многим втайне прощались их принадлежность к схизматикам и еретикам. Не так обстояло дело у русских с польскими панами. Последние, вне официальных сношений, систематически бойкотировали русских после подавления польского мятежа. И время, смягчающее всякую злобу и гнев, поколебать эту враждебную настроенность поляков к русским оказывалось бессильным. Во взаимоотношениях помещичьего класса к крестьянству русские помещики вели себя куда культурнее поляков, уважая человеческое достоинство в мирном, спокойном, рассудительном и хотя медлительном, но трудолюбивом крестьянине-литовце. Для заносчивого же и гонорливого польского пана и особенно выскочки-шляхтича крестьянин оставался прежним быдлом. Это давалось ему чувствовать, и только для расправы с ним панские руки были уже коротки. Местечковое еврейство, застывшее в своей расовой обособленности, в запутанных требованиях и формах своеобразного, пережившего самого себя быта, мирно гешефтмахерствовало

среди гоев-русских, литовцев, поляков без различия национальностей. Добродушный крестьянин-литовец с евреем сжился и, если бы еврея от него отняли, то еврей ему недоставал бы. Мирная настроенность литовского населения по отношению к евреям *совершенно* исключала возможность еврейских погромов. Два слова о русской администрации. Верхи были удовлетворительные, более того, за редкими исключениями, хорошие. Но низы оставляли желать много лучшего. И не удивительно. Прощтрафится какой-нибудь мелкий или средний чиновник на службе в центральной губернии, и начальство не придумает ничего лучшего, как в наказание, либо для исправления перевести его на окраины, в ту же Литву. Это была система. И сколь вредная и нелепая! Именно на окраинах требовалось сосредотачивать лучший служилый элемент. Посылались отбросы, своим поведением дискредитировавшие власть и питавшие центробежные сепаратические тенденции. За всем тем в крае жилось хорошо. Ровный, мягкий климат обеспечивал постоянный хороший урожай. Не бывало шальных переизбытков. Но не случалось <и> недородов, тем паче голодовок. Обилие овощей и фруктов. Хорошее скотоводство. Молочное хозяйство. Пчеловодство. Птицеводство. К осени, предварительно подкованные смешанным со смолою мелким гравием, тучные гуси сотнями и тысячами гнались по почтовому тракту к немецкой границе. Неподкованные до границы не дошли бы. Шел в Германию сплавом лес, строительный и для переработки в бумажную массу. Шел хлеб. Шел скот.

* * * * *

Губернская интеллигенция? Замечательным ее представителем в Ярославле, но не губернского, а куда более широкого масштаба был Евгений Иванович Якушкин, сын известного декабриста Якушкина. Евгений Иванович был человек *совершенно* выдающегося ума, колоссальной эрудиции, энциклопедических знаний, составивший себе крупное имя обстоятельными трудами в области обычного права. Работою своею он был связан с Академиею, университетами и другими учеными и научными учреждениями. При этом редко простой, доступный человек. Добрый, благожелательный, широко открывавший свои двери всякому посетителю без различия к общественному положению, полу и возрасту. Влияние его на местную интеллигенцию было огромное. От него не выходила профессура Демидовского юридического лицея, преподаватели гимназии и других учебных заведений, врачи. Собирались к нему и с ним советовались местные земцы. Ухаживала и администрация. Сменявшиеся губернаторы все старались завязать с Евгением Ивановичем возможно приятельские отношения. Но не на все авансы он отвечал. Судьба, например, наградила Ярославль таким губернатором, как печальной памяти Б. В. Штюмер, впоследствии распутинский премьер-министр²⁴. Ясно, что на авансы такого человека *кристаллически честный* Е. И. Якушкин отвечать не мог. Шли к нему и студенты и гимназисты. И всегда занятой, неустанно работавший в своем кабинете над крупными вкладами в науку, Евгений Иванович умудрялся находить время, чтобы подогнать того или иного гимназиста по предмету, по которому он не успевал. А приходилось Евгению Ивановичу подгонять и профессоров, и весьма часто.

Евгений Иванович был вдовый. Имел сыновей — профессора Московского университета Вячеслава Евгеньевича и преподавателя одной из московских гимназий Евгения Евгеньевича, а также дочь, бывшую замужем за начальником статистического управления Министерства внутренних дел Тройницким.

Оригинальным, по меньшей мере, было вступление Евгения Ивановича уже стариком во второй брак с девицею лет под пятьдесят Мариєю Александровною Бизеевой. Что привело Евгения Ивановича к этому браку, над этим^а приходилось только руками разводить^а. Она была не только стара, но и нехороша собою и немудра. Это не мешало ей считать себя большою умницею, а по внешности особливо очаровательною. Особенностью была ежедневная мигрень, начинавшаяся у Марии Александровны с раннего утра и удерживавшая ее в постели много за полдень. К обеду она оживала, а к вечеру расходилась настолько, что если попадала на вечеринку, где танцевала молодежь, то и сама пускалась в пляс с гимназистами. Преимущественно же любила играть с солидными мужчинами в карты, в винт, нещадно дымя папиросами. За ужином бойко пила вино и, ни на минуту не умолкая, молчала всякий вздор. Молчаливый Евгений Иванович изредка добродушно пытался ее останавливать. Она на минуту умолкала, а потом разбалтывалась еще пуще.

Любопытно, что Евгению Ивановичу нашелся соперник — другой претендент на перезрелые руку и сердце Марии Александровны — старичок помещик-гусар, упоминавшийся выше Александр Григорьевич Высоцкий. Мария Александровна преуморительно напропалую кокетничала с обоими претендентами. Когда она остановила окончательный свой выбор на Евгении Ивановиче, Александр Григорьевич грозил застрелиться. Однако быстро успокоился и поспешил построить на своем земельном участке в городе рядом с имевшимся старым домом новый деревянный дом специально для будущих молодых, куда и поселил их после вскоре состоявшейся их свадьбы.

Брак Евгения Ивановича с Марией Александровной находит себе единственное объяснение во французской поговорке о том, что крайности соприкасаются. Действительно, во всем супруги были противоположностями, что не помешало им вместе прожить в добром согласии и, насколько возможно, счастливо. Единственно, что в них было сходно, это отличавшая обоих доброта. Мария Александровна, несмотря на порою злой, из-за дурашливой болтливости, язык, была, в сущности, очень доброю. Это она доказала, с любовью и нежною заботливостью воспитав сирот своей покойной сестры Шиповой, при оставшемся совершенно никудышном, полуюродивом их отце Павле Ивановиче. Сирот было трое — мальчик Иван Павлович, сделавшийся впоследствии министром финансов в кабинете С. Ю. Витте, и две девочки. Помню Ивана Павловича еще в коротких штанишках, высоких сапожках и детской красной рубашке с пестрым кушаком. Девочки были болезненные и очень некрасивые. Слепленная нежность Марии Александровны признавала их интересными. Но все-таки, несмотря и на блестящую карьеру брата — после поста министра финансов он получил через некоторое время портфель министра торговли и промышленности, а Октябрьская революция 1917 г. застала его управляющим Государственным

^{а-а} Вписано вместо: «приходится только руками разводить и теперь, по прошествии без малого полувека».

банком — все-таки не нашлось желающего ни с одной из девочек сочетаться браком. Девочки болели и старели. Мария Александровна не оставляла попечения о них и продолжала называть их «девочками».

Большим приятелем Евгения Ивановича в Ярославле был директор ярославского юридического Демидовского лицея Михаил Николаевич Капустин, бывший профессор Московского университета, впоследствии попечитель учебных округов, сначала Рижского, а потом Петербургского. В бытность царя Николая Александровича наследником, Михаил Николаевич преподавал ему юридические науки. Ученый был Михаил Николаевич не ахти какой. Но исключительно был хороший человек. Призванием его, реально проявлявшимся во все дни его жизни, было творить добро, притом по возможности так, чтобы правая рука не знала о том, что делает левая. Хотя благодетельствовать человечеству представляется лучшим способом нажать себе беспощадных врагов — благодеяния не прощаются — тем не менее, Михаил Николаевич осуществлял врожденное свое призвание настолько незаметно, что ^абыл^а любим и ценим. Оставил по себе светлую память у огромного большинства студентов, профессоров, вообще лиц, с которыми соприкасался по службе или в общественных своих отношениях. В интимном кругу был словоохотлив и занимателен. Семьи не имел. Женат был на девице из московской профессорской семьи Топоровой, сестра которой была замужем за моряком Бирилевым, бывшим впоследствии короткое время морским министром. Жена вскоре после брака оставила Михаила Николаевича. Детей у них не было.

После перевода Михаила Николаевича из Ярославля в Ригу его сменил в должности директора юридического лицея добродушный, но очень тусклый профессор Н. А. Кремлев, а последнего — некто Шпилевский. Об его ученых заслугах не принято было говорить. Директор лицея в самом лицее и в обществе, Шпилевский выдавал себя за аптекарского ученика по вечерам на бульваре тем особам прекрасного пола, за которыми пытался ухаживать «инкогнито». Ни дать ни взять, губернатор из «Периколы»²⁵. Низко надвинутая на лоб широкая шляпа, поднятый воротник. *Неузнаваем и только. А наутро инкогнито оказывается вскрыто: «Шпилевский опять охотился вчера на бульваре».* Шпилевский был женат, и хорошо женат, на весьма достойной даме, урожденной Мосоловой, имел шалую дочь Аню, по-институтски поочередно влюблявшуюся во всех знакомых молодых дам, и племянницу Любовь Александровну Домелунксен, за которою поголовно ухаживали все посещавшие Шпилевских мои гимназические и университетские товарищи, в том числе сделавшийся впоследствии всемирно известным артистом-певцом Л. В. Собинов. Пококетничав с ними, Любовь Александровна вышла замуж за гродненского гусара богача Дервиза. Шпилевские устраивали у себя вечеринки и балы в прекрасной казенной квартире директора лицея. Было на этих вечерах и балах оживленно и весело. Танцевали преимущественно на рождественских праздниках, к которым съезжались из столиц учащаяся гражданская и военная молодежь и гвардейские офицеры.

Танцевали и у радушного губернатора генерала Алексея Яковлевича Фриде, переведенного в Ярославль из военных губернаторов Туркестанского края. *Это был самый милый губернатор в Ярославле в описываемую эпоху.* Отличало его от-

^{а-а} Вписано вместо: «теми, по крайней мере, кому не благодетельствовал, был искренне».

сутствие обычного напыщенного губернаторского важничанья, простота, обходительность и честность. Сменил он скоропостижно скончавшегося на своем посту губернатора Владимира Дмитриевича Левшина, недурного человека, но сухого и чопорного чиновника-карьериста. Перед Левшиным был в Ярославле губернатором очень ^анадутый^а генерал Николай Александрович Безак, впоследствии начальник Главного управления почт и телеграфов. Несколько лет ранее губернаторствовал стяжавший себе *большую* популярность адмирал Иван Семенович Унковский, бывший командиром фрегата «Паллада», рейс которого в 1867 г. вокруг Африки и Азии описан И. А. Гончаровым в известном его классическом труде «Фрегат “Паллада”»²⁶. Ивана Семеновича я только однажды встретил в бытность его почетным опекуном Ведомства императрицы Марии по московскому его присутствию. Знаком же был впоследствии, после смерти Ивана Семеновича, с его вдовою Анною Николаевною, с дочерью Екатериною Ивановною, вышедшею замуж за моего приятеля и родственника Сергея Дмитриевича Евреинова, всех же их ранее познакомился с сыном Ивана Семеновича Семеном Ивановичем, с которым в гимназические годы и дружил, когда он гимназистом наезжал из Москвы погостить в Ярославль, в семью Урусовых. Семен Иванович по окончании гимназии поступил на морскую службу и участвовал в путешествии царя Николая Александровича, в бытность наследником, на Восток²⁷. Анна Николаевна Унковская всегда тянулась к Ярославлю, в котором не только вышла замуж за Ивана Семеновича, но и воспитывалась и родилась. Поэтому вскоре после смерти мужа перебралась в Ярославль из Москвы, исхлопотав себе назначение на должность начальницы Ярославского женского епархиального училища.

* * * * *

В судейском мире в Ярославле, достаточно мне знакомом, так как отец мой был председателем Ярославского окружного суда, я не нахожу в своих воспоминаниях лиц, на которых было бы интересно в каком-либо отношении остановиться, за исключением недолго служившего в Ярославле прокурора суда Николая Валериановича Муравьева, впоследствии обвинителя в процессе *по делу* 1 марта 1881 г.²⁸, затем государственного секретаря, министра юстиции и, наконец, императорского посла в Риме. О нем несколько раз упоминается в настоящих записках.

Никаких индивидуальностей не выделили и остальные губернские ведомства, кроме казенной палаты, управляющим которой некоторое время состоял Евгений Иванович Якушкин. Неяркость людей не мешала, однако, в порядке губернского управления, всем ведомствам действовать согласованно и налажено. Плох был, как и повсюду, нововводившийся институт земских начальников. Но он и задуман был настолько нелепо, что ничего хорошего не могло получиться из него. С другой стороны, и комплектовался этот институт не прошедшими какую-либо предварительную ведомственную подготовку службистами, а совершенно случайными людьми из незадавшейся земско-помещичьей общественности, теми самыми неудачниками, которые заполняли собой земские учреждения.

^{а-а} Вписано вместо: «способный».

И в массе шли в земские начальники армейские офицеры, совершенно ни к какому делу, кроме строевой службы, не подготовленные, преимущественно из тех же незадавшихся *общественных* элементов²⁹.

Из представителей военной власти не могу не упомянуть о начальнике местной пехотной дивизии Василии Павловиче Данилове, как о хорошем службисте, проявлявшем большую заботливость о солдатах и умело и эффективно подтягивавшем командный состав. Хороший был и семьянин Василий Павлович, примерный муж и отец. Милая и умная жена его Ольга Николаевна своею приветливостью и гостеприимством придавала особую привлекательность посещениям их дома многочисленными друзьями и знакомыми. Но лучшим украшением этого дома была старшая дочь Василия Павловича ^аОльга Васильевна, вышедшая замуж за ябургского помещика, бывшего местного уездного предводителя дворянства графа Георгия Николаевича Сиверса^а.

Из местных красавиц, также военной среды, вспоминается величаво красивая, но слишком уж большого роста, дочь командира полка Ольга Ляпунова, в замужестве Халкионова.

В. П. Данилова, по выходе его в отставку с производством в генералы от инфантерии, сменил маленький, щупленький, нервно-порывистый генерал А. Ф. Риттих. Порывистостью слова и движений он производил впечатление *совершенно* припадочного. Однако ученый был генерал — Генерального штаба. Женат был троекратно. В Ярославль попал вдовым, после третьего брака. Старший его сын Александр Александрович, лицеист по образованию³⁰, начавший службу в Департаменте полиции, сделал видную карьеру. Февральская революция застала его только что назначенным министром земледелия.

Начальником местного гарнизона в Ярославле был генерал Курлов — отец известного в связи с обстоятельствами убийства П. А. Столыпина и многими другими громкими делами Павла Григорьевича Курлова³¹, которого в 1907–1916 гг. мы последовательно видим во главе Департамента полиции, начальником Главного тюремного управления, командиром Корпуса жандармов, товарищем министра внутренних дел. По Ярославлю припоминаю П. Курлова молодым красивым офицером Лейб-гвардии Конно-гренадерского полка, приехавшим на побывку к родителям. Его и красивую его сестру Екатерину Григорьевну я встречал в доме Даниловых, где бывала и ставшая женою Павла Григорьевича дочь крупного коммерсанта, ярославского городского головы Вахрамеева. В супружестве с Курловым счастлива она не была. Общий голос винил в этом Курлова. Прожили вместе супруги недолго. Вскоре разошлись.

^{а-а} Вписано вместо: «Ольга Васильевна. Красивая, голубоглазая блондинка, нежная, женственная. Душевные ее качества не уступали внешним. И думается, что счастливым смертным должен был себя почитать удостоившийся стать мужем этой прелестной девушки граф Георгий Николаевич Сиверс, петербургский помещик, бывший уездным предводителем дворянства Ябургского уезда».